

ВИНЕ МЕИР

ПОПАДАНКА ДЛЯ  
ЗАМУЖ  
ГЕРЦОГА ИЛИ  
ЗА ВАМПИРА

# **Вине Меир**

## **Попаданка для герцога или выйти замуж за вампира**

*<https://litres.ru/74213727>*

### **Аннотация**

Я была самым обычным секретарем в небольшом, но уютном офисе, где каждый день проходил по одному и тому же сценарию: — бумаги, звонки, кофе и бесконечные отчеты. Небо затянули тяжелые тучи, в воздухе висело ощущение надвигающейся бури, а я как на зло задержалась на работе. Все пошло как по чьему-то коварному плану: Я поторопилась домой. В меня ударила молния. А когда я пришла в себя, мир вокруг был уже совсем другим: Я лежу не на мокром асфальте, а на мягкой постели. В чужом теле. И ничего не понимаю.

В смысле выйти за какого-то герцога? Вы его характер видели?

Властный мкг

ХЭ

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Глава 2                           | 14 |
| Визуал. Алисия Вальтер            | 22 |
| Глава 3                           | 23 |
| Глава 4                           | 33 |
| Глава 5                           | 44 |
| Визуал. Мария Де Верди            | 54 |
| Визуал. Горацио Де Верди          | 55 |
| Глава 6                           | 56 |
| Глава 7                           | 69 |
| Глава 8                           | 82 |
| Глава 9                           | 94 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 96 |

# Глава 1

Голова гудит, будто в ней били в колокола. Каждый удар отдавался в висках, словно кто-то методично, с неумолимой силой, заставлял мой мозг сотрясаться от этой невыносимой, пронзительной боли.

Я открыла глаза, медленно, с трудом, будто веки были налиты свинцом, и тут же зажмурилась, потому что яркий, ослепительный свет ударил прямо в зрачки, заставив их судорожно сжаться.

Солнце? Быть такого не может! Но ведь только что была ночь, с ливнем, который хлестал по крышам и стенам, с грохотом грома, с этой ослепительной, пронзающей все вокруг вспышкой молнии...

— Миледи, вы в порядке?

Голос был незнакомым, но звучал тревожно, с нотками беспокойства, которые выдавали его внутреннее напряжение. Я попыталась сесть, опираясь на локти, и почувствовала, как по спине пробежал холодок — на мне было что-то мягкое, тяжелое, дорогое, с вышивкой, с узорами, и это определенно, совершенно точно, без малейших сомнений, не был мой дешевый офисный пиджак, купленный на распродаже в ближайшем торговом центре, название которого я даже не удосужилась запомнить.

— Кто... вы? — мой собственный голос прозвучал стран-

но, мелодично, как будто кто-то другой, кто-то совершенно посторонний, говорил моими устами, словно я слушала запись, а не сама произносила эти слова.

— Миледи Алисия, вы... вас ударило солнцем? Перетрудились за письмом и совсем забылись? Как ваше самочувствие? Позвать лекаря? — Молодой человек в синем мундире, с аккуратно подстриженными волосами и выражением лица, полным неподдельного ужаса, склонился надо мной, его глаза были широко раскрыты, а губы слегка дрожали.

Солнцем? Миледи? Лекарь?

Я подняла руку перед лицом — тонкие пальцы, бледная, почти фарфоровая кожа, украшенная изящными, искусно выполненными кольцами с камнями. Это была не моя рука. Совершенно точно, без тени сомнения, не моя.

— Зеркало, можно мне зеркало? — прошептала я, и мой голос звучал так тихо, что я сама тому немало поразилась.

Слуга (а он явно был слугой, судя по покрою одежды, по манере держаться, по тому, как он почтительно склонил голову) тут же, не задавая лишних вопросов, подал мне небольшое серебряное зеркальце, отполированное кем-то до блеска.

В отражении смотрела на меня незнакомая девушка с каштановыми волосами, собранными в сложную, изысканную прическу, алыми губами и большими серо-голубыми глазами. Красивая. Точно аристократка.

— Где я? — спросила я, переведя взгляд на незнакомца,

но тут же поняла, что это глупый вопрос, потому что ответ был очевиден, но мой разум отказывался его принимать.

— В имении вашего отца, миледи. Вас должны были доставить в столицу для... — он запнулся, словно боясь сказать лишнее.

— Для чего?

— Для замужества, конечно! Вы же дочь дома Вальтер. Так сильно ошибло? Может, все-таки лекаря?

Я закрыла глаза. В голове пульсировала боль, но сквозь нее, словно сквозь туман, пробивались обрывки чужих воспоминаний. Дворцы. Перешептывания. Смешки в мою сторону. Или не мою. А ее. Но я... и есть она, да?

Это не сон? Молния перенесла меня в другой мир? В тело другой девушки? Быть не может такого! Только в книгах и бывает!

Мозг судорожно думает, но в голову не приходит ничего умнее, чем: теперь мне предстояло выяснить... кто здесь я.

А главное — как отсюда выбраться.

Слуга — его звали Лоренц (это имя всплыло как по волшебству, будто кто-то вложил его в мои воспоминания) — смотрел на меня с таким беспокойством, будто я вот-вот рассыплюсь в прах, исчезну, превращусь в дым.

Я медленно поднялась, ощущая тяжесть платья. А это было именно платье, как в старых фильмах: бархатное, с кружевами, с вышивкой, в котором, кажется, можно было утонуть, если сделать неосторожное движение.

— Нет, лекаря не надо, — сказала я, стараясь говорить так же плавно, как эта... Алисия. — Просто голова немного кружится. Все в порядке. Честно.

Лоренц кивнул, но его взгляд выдавал сомнение, он не верил ни единому моему слову. И правильно. Какой тут в порядке? Когда я буквально застряла в чужом теле.

— Может, вам принести вина? Или отвар мяты? — учтиво предложил он.

— Да, мяту, — согласилась я, просто чтобы он ушел, чтобы остаться наедине со своими мыслями, которые кружились в голове вместе с ней.

Как только дверь за ним закрылась, я оглядела комнату. Большая, с высокими окнами, через которые лился мягкий свет, с резной мебелью, покрытой узорами, с коврами под ногами, такими плотными, что казалось, будто идешь по облаку. На столе — пергаменты, аккуратно свернутые, чернильница с засохшими чернилами, застывшая свеча, очевидно оставшаяся с прошлой ночи. В углу — зеркало в позолоченной раме, которое отражало свет, играя бликами.

Я подошла ближе.

Отражение по-прежнему было чужим. Но теперь, присмотревшись, я заметила детали: легкие морщинки у глаз (значит, не так уж молода), родинку на шее, почти незаметную, след от тонкого шрама на левой руке, будто от какого-то пореза давным-давно. На вид ей не больше двадцати пяти, а если я где-то в средневековье — пиши пропало.

— Кто ты? — прошептала я, и мой голос дрогнул.

И вдруг — резкая боль в висках.

В глазах помутнело, и передо мной поплыли образы:

Бал. Сотни свечей, мерцающих в огромном зале. Мужчины в черном, его холодные пальцы сжимают мою руку, и от этого прикосновения по телу бегут мурашки. Мы кажется танцуем.

Голос:

«Значит, вы согласны?»

Шепот. Мой:

«Вы же знаете, как это важно для моей семьи».

«Даже не смотря на то, что станете моей пленницей? И будете жить во тьме, отказавшись от солнца?»

«Я старшая дочь семьи Вальтер. И единственная не вышедшая замуж. Я не имею права отказываться».

Дождь. Удар молнии. И — пустота.

Я вскрикнула и схватилась за край стола, чтобы не упасть.

— Миледи?! — Лоренц ворвался в комнату с кубком в руках, его лицо побледнело от ужаса.

— Все в порядке, — я сделала глоток прохладного отвара, который слегка приглушил боль. — Просто... вспомнила кое-что.

— О слава небесам! — Он чуть не упал на колени, будто мое состояние было для него настоящей катастрофой. — Ваш отец приказал готовить карету к утру. Если вы нездоровы...

— Нет, — я резко подняла голову, стараясь взять себя в руки. — То есть... скажите, куда именно мы едем?

Лоренц замер, будто мой вопрос был чем-то неожиданным. Словно я недалекая, которая выбросила из головы все важные мысли. Но я то правда не знаю, куда мы планировали там...

— В столицу, миледи. На вашу помолвку с герцогом Горацио де Верди Буте.

Герцог.

Помолвка.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как в груди сжимается комок тревоги.

Надо собраться с мыслями. Опираюсь рукой о стол, второй массирую переносицу. Значит, так. Я — Алисия Вальтер, наследница знатного дома, и меня везут под венец с каким-то герцогом.

Лоренц все еще смотрел на меня, будто ожидал, что я вот-вот рухну на пол.

— Миледи, вы точно в порядке?

Я тут же улыбнулась, стараясь выглядеть спокойной.

— Да. Просто... перед дорогой нужно кое-что проверить.

— Что именно?

— Мои вещи. Документы. Украшения...

Он кивнул и вышел. Даже спорить не стал. Значит, все сказала как надо.

Дверь закрылась с тихим щелчком, оставив меня наедине

с этой чужой роскошью, где даже воздух казался пропитанным запахом воска, дорогих духов и чего-то еще — чего-то тревожного, что щекотало нервы.

Мне тут не нравится.

С одной стороны — я запросто могла сойти с ума. Ведь это же невозможно, правда? Проснуться в чужом теле, в чужом мире, где все говорят о каких-то герцогах, помолвках и угрозах, как в дешевом историческом романе. А ты просто секретарь! Даже кота себе не завела, потому что времени на него совсем нет, что говорить о мужчинах?

С другой стороны... если это не сон (а боль в висках и холодный пот на спине говорили, что не сон), то у меня есть малюсенький шанс тут выжить.

И, может быть, если повезет, найти способ вернуться.

Но сначала надо понять, кто такая Алисия, чтобы не опозориться при первом же серьезном разговоре, и меня как ведьму не сожгли на костре. Да. Точно.

С чего начать?

Окидываю комнату взглядом. Останавливаю на столике. Первым делом — письма. Они должны были пролить свет на эту загадку хоть немного. Ведь всем известно, что если хочешь узнать гаденькие секреты человека — прочти всю его переписку. Тут почти то же самое, только вместо телефона — бумага. Или... чем они тут пользуются?

Я подошла к столу, где лежали аккуратно свернутые пергаменты, перевязанные шелковыми лентами. Первое, что

бросилось в глаза — печать с фамильным гербом: серебряный волк в поле, оскалившийся, будто готовый к прыжку.

«Дом Вальтер»

Развернув письмо, я увидела четкий, каллиграфический почерк:

*«Дорогая Алисия, твой отец уже сообщил тебе о решении. Герцог де Верди Буте не потерпит отказа. Ты должна понимать — это единственный способ сохранить наш дом. Если ты не явишься в столицу к назначенному сроку, последствия будут... необратимы...»*

Подписи не было.

Я перевернула письмо — никаких дат, никаких имен. Только угроза, завуалированная под заботу. Как мило!

Следующее письмо было написано другим почерком — нервным, торопливым:

*«Сестра, беги! Беги! Пока не поздно. Он не человек. Ты не представляешь, что он сделал с Лизеттой! Отец продал тебя, как скот. Если ты получишь это письмо — сожги его и не возвращайся в столицу»*

Лизетта? Сестра?

Я перебирала обрывки воспоминаний, но они ускользали, точно им сейчас тут быть не время и не место.

Третье письмо было запечатано черным воском. Я вскрыла его дрожащими пальцами.

*«Миледи Вальтер, ваше молчание будет расценено как отказ. Герцог не привык ждать. Если к полнолуннию (инте-*

ресно какого дня) *вы не прибудете в его резиденцию, ваш брат будет объявлен предателем короны. А предателей, как вы знаете, ждет только плаха»*

Холодный пот выступил на спине.

От писем должно было стать проще. Понятнее. Но я ничего не понимаю.

Из того, что мне удалось вспомнить ранее, Алисия (*то есть я*) сама согласилась на помолвку. Но эти письма... Они говорили о другом. О том, что замуж она не хотела. Что за этим браком стояли угрозы, шантаж, и ее собственная про- дажа.

И если я не поеду — кого-то убьют.

Что за чертовщина тут творится?

Я не понимала. И вряд ли пойму, пока не узнаю больше.

Но кто такой этот герцог? Почему его все боятся? И что он сделал с той... Лизеттой?

Я резко подняла голову — за дверью послышались шаги. Не хватало еще, чтобы меня застали за... чтением? Очень сомнительно, что за такое накажут. Но вот содержание этих писем...

— Миледи? — Лоренц постучал, его голос звучал напряженно. — Ваш отец требует вас в зал.

— Сейчас, — ответила я, быстро пряча письма в складки платья.

Встреча с «отцом».

И, судя по тону Лоренца, он был не в настроении ждать.

Я глубоко вдохнула, машинально потрогала шрам на руке.

«Кто бы ты ни была, Алисия... теперь это моя жизнь. Давай ка распутаем этот клубочек...»

## Глава 2

Я вышла в коридор, стараясь держать спину прямо, как подобает знатной даме. Так ведь ходят все аристократы? Подбородок приподнят, взгляд чуть свысока, плечи расправлены...

Первым делом надо постараться, чтобы никто не понял, что я самозванка в чужом теле. Надо быть милой и учтивой, но не слишком — вдруг настоящая Алисия была строптивой? Ноги дрожат. Не слушаются.

Лоренц шел чуть позади, почтительно склонив голову, но я чувствовала его настороженный взгляд, будто он видел сквозь мой наигранный покой. Его пальцы нервно перебирали швы мундира.

— Миледи... — он осторожно начал, понизив голос до шепота, — Барон сегодня не в духе. Лучше не перечьте ему.

— Спасибо за совет, — кивнула я, прикусив губу до боли. «Не перечьте».

Значит, Алисия перечила? Как часто? По каким поводам? Была ли она дерзкой или просто имела свое мнение? Хоть какой-нибудь намек дайте!

Дальше мы шли в тишине.

Зал оказался огромным — высокие потолки с позолоченными балками, витражи, бросающие на пол разноцветные пятна, гобелены с изображением сцен охоты, где серебряные

волки терзали оленей. В центре, у массивного камина, стоял мужчина лет пятидесяти — высокий, с седеющими висками и холодными серыми глазами, в которых отражалось пламя.

Барон Вальтер. Мой «отец». Ничего такой генофонд! Даже в таком возрасте (а видно что возраст приличный) держит осанку как король мира!

— Наконец-то, — его голос прозвучал как удар хлыста по обнаженной спине. Я невольно вздрогнула. — Я уже начал думать, что ты решила избежать нашей беседы.

Я сделала легкий реверанс, как делала бы настоящая Алисия, надеясь, что не переборщила с изяществом. Колени дрожали. Одно дело в голове прокручивать диалоги, а другое выйти за двери комнаты и показать какая ты храбрая чиху(я)ашечка!

— Простите, отец. Я... плохо себя чувствовала.

— Неважно, — он махнул рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи (вот так теплота!). — Завтра мы отправляемся в столицу. Герцог ждет. — Его глаза скользнули по моему наряду с холодной оценкой. — Ты уже решила, какие украшения возьмешь с собой? Помни, не слишком дешевые, но самое дорогое оставь здесь. Нам еще пригодится. Герцог богатый, купит еще.

Я сжала пальцы в кулаки, пряча их в складках платья, чувствуя, как кольца впиваются в кожу. Нет! Ну как так можно говорить с родной дочерью? Мы для них что, мебель с приданым? Оставить украшения? Разве они не должны принад-

лежать мне? Без пяти минут в этом теле, а уже так возмущаюсь, будто это и правда мои украшения.

— Не слышу? — его брови поползли вверх.

— А... — вырвалось у меня само собой. Клянусь, Лоренц за спиной подпрыгнул до потолка от нервов! Я поспешно добавила: — Мне показалось, что ваши слова не требуют ответа... — Говорю как в плохом историческом сериале, но лучше уж так, чем выдать себя.

— Ты похоже и правда нездорова, — брезгливо ответил «отец», — Вся какая-то...

— ...бледная и рассеянная? Ох, права слова! Думала, мне показалось! А нет, так и есть, — закончила я за него, стараясь не дрожать. — Просто устала от сборов. Так утомляет выбирать между жемчужным ожерельем и бриллиантовым...

Он фыркнул, но, кажется, принял мое объяснение. Его пальцы постукивали по мраморной полке камина.

— В таком случае, иди, отдохни. Завтра в дороге тебе понадобятся силы. И не ужинай... и без того поднабрала... герцог должен видеть, что ты еще можешь тягаться с молодыми девками, — Он повернулся ко мне спиной, явно давая понять, что разговор окончен. Его тень, искаженная пламенем, вздымалась по стене как некое чудовище.

Молодыми девками? Да Алисии на вид нет даже тридцати! А! точно! У них же тут педофилия процветает! Чем моложе и румяней, тем пригоже!

Я поспешно вышла, чувствуя, как сердце колотится в гру-

ди, угрожая разорвать корсет. Лоренц последовал за мной, но я остановила его жестом.

— Мне нужно побыть одной, — прозвучало даже слишком резко.

Он кивнул, но в его глазах снова читалось беспокойство. Похоже, он тут единственный, кому есть до меня дело. Возможно, с прежней Алисией они были друзьями? Или может... больше чем друзьями?

— Если что-то понадобится...

— Я знаю, — улыбнулась я, хотя улыбка вышла натянутой, как слишком туго зашнурованное платье, то что на мне, — Дорогу тоже помню! Не тронулась умом!

Дверь в мои покои закрылась с тихим щелчком. Я прислонилась к ней, закрыв глаза, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Что за чертовщина?

Письма. Угрозы. Этот холодный, расчетливый взгляд «отца». Здесь Алисию не любят и не жалуют. Но что, если то место, куда меня отвезут — еще хуже?

Этот... герцог. Снова думаю о нем! В воспоминаниях только руки — молодые, с длинными пальцами, но почему-то вызывающие дрожь. Почему она не хотела замуж? Что скрывается за этим браком?

Я подошла к окну, распахнула его, впуская прохладный вечеряющий воздух. В поместье такая духота, а корсет так тянет, что снова кружится голова. Где-то вдалеке завыл волк, собака, или может, это просто ветер?

Лизетта...

Имя всплыло в памяти снова, но на этот раз с ним пришло и смутное воспоминание — девушка с золотистыми волосами, ее звонкий смех во время какой-то игры, а потом... пронзительный крик, разбивающий тишину.

Я резко отшатнулась от окна и сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Нет. Так не пойдет. Эти обрывки не приводят ни к чему хорошему, только к еще большей путанице.

Если уж я оказалась в этом теле, значит, должна разобраться сама, что слишком рискованно. Либо начать все с начала, делая вид, что у меня амнезия...

— Ну что, Алисия, — прошептала я, — похоже, нам обeim предстоит опасная игра...

Я подошла к резному дубовому шкафу и начала методично рыться в ворохе шелков и бархата. Как у нее много одежды! И вся в темных тонах! Как монахиня какая-то!

«Должно же быть здесь что-то полезное...»

Мои пальцы скользнули по прохладной ткани, пока не накнулись на что-то твердое, спрятанное под стопкой вышитых платков.

Маленький кожаный кошелек, потертый по краям, будто его часто открывали в спешке. Сердце заколотилось чаще, когда я развязала шнурок и обнаружила внутри пожелтевший клочок пергамента:

*«Если передумаешь — приходи к старой мельнице за рекой. Там тебе помогут. Но помни: после этого пути назад*

*не будет»*

Ни подписи, ни даты. Только эти роковые слова, выведенные неровным почерком — будто писали в темноте или в страшной спешке.

Я перевернула записку дрожащими пальцами. На обратной стороне был нарисован странный символ: две змеи, переплетенные в бесконечный круг, кусающие друг друга за хвосты. Заговор? Тайное общество? Или просто чья-то зловещая шутка?

Возможно.

Но одно было ясно как день — завтра меня везут к человеку, которого боятся даже собственные слуги. Чьи приказы не обсуждают. Чье имя (возможно, судя по тому, как его произнес Лоренцо) произносят шепотом. И если я хочу выжить в этой игре, мне нужно либо бежать под покровом ночи... либо подготовиться к встрече, вооружившись хитростью и притворством.

Я спрятала записку обратно, глубоко вздохнув. Сомнительная встреча у мельницы? Если эти люди знали настоящую Алисию, они сразу раскусят подмену. А если не знали... то кто они вообще? Друзья? Враги? Те самые, кто подбросил письма с угрозами? Надо оно мне? Нет.

Выбора, по сути, нет. Придется играть по их правилам, но не забывать о том, что это только для того, чтобы выжить. И, если этот герцог думает, что я сдамся без боя... он жестоко ошибается. Еще пожалеет! Сам расторгнет помолвку, лишь

бы избавиться от меня!

Я резко распахнула шкаф дверцами до предела и принялась методично перебирать платья, представляя, как буду сводить герцога с ума своей «идеальностью».

— Ах да, ваша светлость, — прошептала я, прикидывая в голове сценарий, — вы хотели, чтобы я носила голубое? О, какая досада... — Я приложила тыльную сторону ладони ко лбу в театральном жесте. — У меня аллергия на этот цвет! Да-да, сразу сыпь и удушье!

Я швырнула на кровать самое нелепое платье из найденных — розовое, с рюшами, бантами и перламутровыми пуговицами, похожее на свадебный торт.

— И музыку вы любите? — продолжала я свой монолог, размахивая веером перед воображаемым женихом, да хлопая ресницами, — Как чудесно! Я обожаю петь по ночам. Особенно оперные арии. — Я взяла высокую ноту, нарочито фальшивя. — Фальцетом!

За дверью послышался сдавленный кашель.

— Миледи? — это был Лоренц. Его голос звучал странно — будто он изо всех сил старался не рассмеяться. — Вам... не нужна помощь?

Я резко захлопнула шкаф, смущенно поправив растрепавшиеся волосы. Застал гаденыш! Будто нарочно ждал такой момент!

— Нет-нет! Все в порядке! Просто... готовлюсь к завтрашнему дню.

Пауза. Слишком долгая пауза.

— Вы... поете, миледи? — наконец выдавил он. Только засмейся! И я тебя рукавом придушу!

— О, да! — воскликнула я с наигранным энтузиазмом, хватаясь за эту соломинку. — У меня замечательный голос! Вскоре герцог в этом лично убедится. И папенька тоже! — Я сладко улыбнулась закрытой двери. — Всю дорогу до столицы! Без перерыва!

За дверью наступила мертвая тишина.

— Как скажете, миледи!

Потом раздались поспешные, слегка спотыкающиеся шаги — Лоренц явно ретировался. Подумал, наверное, что я тронулась умом. Ну и ладно!

Я плюхнулась на кровать, сжав в руках злополучное розовое платье.

— Ладно, Алисия, — прошептала я. — Будем действовать по плану «Несносная невеста». А потом... будь что будет, да?

Где-то вдали прозвучал глухой удар грома, и сразу за ним — шум начавшегося ливня. Капли забарабанили по стеклу.

— О, — ухмыльнулась я, глядя на затянутое тучами небо. — Кажется, сама судьба на моей стороне.

Завтра будет интересный день.

Очень интересный.

# **Визуал. Алисия Вальтер**

**Настало время познакомиться с нашей главной героиней!**

**Алисия Вальтер**

**165 см очарования. 25 лет уверенности.**

**Серые глаза, в которых отражается мир и утонул сам Герцог.**

**Альтернативная версия:**

## Глава 3

Утро встретило меня серым, хмурым, совершенно неприветливым небом и ледяным, пронизывающим до костей дождем, который монотонно и настойчиво стучал по оконным ставням, словно пытаюсь пробиться внутрь.

Я проснулась от резкого, неожиданного стука в дверь — это горничная, торопливая и немногословная, принесла завтрак. Мда... завтрак... Одинокое яблоко, лежащее на холодном серебряном подносе, видимо, в угоду отцовскому строгому и бескомпромиссному «не ужинать».

Извините? Эскюземуа! А силы мне брать от святого духа?

Потом она сухо, без лишних эмоций сообщила, что карета будет готова ровно через час, не раньше и не позже, и покинула мою комнату.

«Класс... да ты прямо купаешься в любви подданных, Алисия, да?» — с горькой иронией подумала я, разглядывая поднос.

— Так... с чего бы начать?

Одевалась я медленно (ну его, это яблоко), с преувеличенной тщательностью, словно готовилась не к светскому визиту, а к настоящей войне.

Розовое платье с бесчисленными рюшами (о боже, оно оказалось еще ужаснее, чем я думала, при дневном то свете),

самые нелепые, кричащие и безвкусные украшения из старой шкатулки и шляпку с перьями, которые так и норовили попасть мне в глаза, будто издеваясь. Да! Определенно того стоит! Хочется поскорее, прямо сейчас, немедленно увидеть его реакцию, оценить каждый миг его замешательства. Какие еще синонимы есть к моему гениальному плану?

«Идеальный образ невыносимой невесты», — с удовлетворением подумала я, разглядывая свое отражение в зеркале, которое, казалось, тоже слегка поморщилось.

Никакого вкуса! Полное его отсутствие. Идеально!

— И куда же без макияжа, верно? — пробормотала себе под нос, берясь за кисти, и усаживаясь за туалетный столик.

Я нанесла себе на лицо, наверное, половину содержимого пудреницы, если не больше. Выглядит так, будто клоун сбежал из цирка и решил устроить здесь собственное представление.

Щеки, конечно же, были покрыты густым слоем румян, а губы! О, губы! Я не пожалела времени, чтобы вывести контур как можно четче, чтобы они казались больше, ярче, нелепее.

Лоренц терпеливо ждал у кареты, как всегда невозмутимый и собранный. Увидев мой наряд, он едва сдержал улыбку, но стоило его взгляду перейти на мое лицо, как тот даже слегка вздрогнул, будто увидел нечто по-настоящему пугающее.

«Получилось произвести впечатление?» — пронеслось у

меня в голове с едва скрываемым торжеством.

— Миледи... сегодня выглядит... весьма... ярко, — осторожно, подбирая слова, прокомментировал он, помогая мне подняться в карету, будто боясь, что одно неверное движение спровоцирует новый виток моего безумия и я его (не дай бог) ударю. А я могу.

— О, спасибо! — воскликнула я нарочито сладким, почти приторным голосом. — Я же должна произвести впечатление на моего дорогого жениха, не так ли? Ведь первое впечатление — самое важное, правда?

Отец, уже сидевший внутри, лишь хмыкнул, уткнувшись в свои бесконечные бумаги, но я отчетливо заметила, как его пальцы сжали пергамент чуть сильнее, чем нужно, оставляя на нем легкие морщинки. Недоволен. Ну конечно, с чего бы ему быть довольным?

Карета тронулась, первые полчаса мы ехали в тягостном, почти зловещем молчании, прерываемом лишь стуком колес и шумом дождя за окном. Затем я решила, что пора начинать свой спектакль.

— Папенька, — защебетала я, хлопая ресницами так часто, будто пыталась взлететь, — а правда ли, что герцог так невероятно богат, что буквально купается в золоте, как в сказке? И правда, что у него во дворце фонтаны с шампанским? Ах, я так мечтаю поплескаться в таком! Это же должно быть просто волшебно!

Отец медленно, через силу, поднял на меня взгляд. В его

глазах читалось что-то между глубоким раздражением и... страхом?

— Ты то... откуда знаешь про фонтаны? — спросил он тихо, почти шёпотом, в его голосе прозвучала какая-то необъяснимая напряженность.

Я почувствовала, как по спине пробежали ледяные мурашки. Кажется, я совершенно случайно, даже не желая того, попала в какую-то точку, о существовании которой даже не подозревала. У него реально есть фонтаны? О как!

— О, это же общеизвестный факт! — засмеялась я, слишком громко, слишком неестественно, отводя глаза куда-то в сторону. — Все знают, какой герцог... экстравагантный!

Дальше я завела разговор о своем «непревзойденном таланте» к пению и всю дорогу напевала фальшивые, нарочито громкие арии, пока отец не начал нервно, почти судорожно постукивать пальцами по колену, а Лоренц, ехавший снаружи, не постучал в окошко кареты с вежливым, но обеспокоенным вопросом, не заболела ли я случайно.

Не заболела. Терпите мои выходки, раз уж хотите избавиться. Считайте, что это мой вам подарок к отъезду.

К полудню дождь усилился, превратившись в настоящую стену воды, которая обрушивалась на землю с такой силой, что казалось — небо решило смыть все вокруг. Карета замедлила ход, колеса с трудом цеплялись за размокшую, раскисшую дорогу, временами буксуя в жидкой грязи. Вдруг раздался громкий, перекрывающий шум ливня крик возни-

цы, карета резко дернулась — и с оглушительным треском рухнула в кювет, накренившись на бок под неестественным углом.

Я машинально зацепилась за спинку сиденья, упершись рукой о стенку, возле дверцы.

На секунду воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая только стуком дождя по деревянным стенкам. Затем отец выругался сквозь зубы, с силой отшвырнув ногой дверцу, которая едва не придавила его, упав с характерным глухим ударом.

— Все живы? — прокричал сверху возница.

— Живы, черт бы побрал непогоду! — ругнулся отче.

Я кое-как выбралась наружу следом за ним, нелепо крихтая. Стою, в доли секунд вся перепачканная в липкой грязи, с растрепанными волосами и промокшей до нитки одеждой, но, к счастью, целая и невредимая.

Отец и Лоренц уже стояли рядом, осматривая повреждения с видом людей, которые прекрасно понимают — дальше так ехать нельзя.

— Ось переломана напополам, — мрачно констатировал возница, вытирая мокрое лицо рукавом (смешной, будто в такой ливень ему это поможет). — До столицы в таком состоянии не доехать, даже если бы дождь прекратился прямо сейчас.

Отец что-то сердито пробормотал себе под нос, затем резко повернулся ко мне. Я моргнула. Его взгляд был тяжелым

и не терпящим возражений:

— Здесь неподалеку есть постоялый двор. Дойдем пешком, переночуем, а утром выйдем за другой каретой. Другого выхода у нас нет.

Ну. На нет и суда нет. Верно?

И мы побрели по размокшей, почти непроходимой дороге. Каждый шаг давался с трудом, ноги вязли в грязи, как в болоте. Дождь хлестал по лицу (о бедный мой макияж), холодные капли затекали за воротник, вызывая неприятный озноб. Платье, и без того неудобное, промокло насквозь и стало невыносимо тяжелым, будто на мне висел целый мешок мокрого песка, или оно было выковано из железа.

Вдруг Лоренц, шагавший чуть позади, тихо, почти шепотом окликнул меня:

— Миледи... видите вон ту реку? Там за ней... старая мельница.

Мое сердце заколотилось так сильно, что я на секунду перестала слышать дождь. Мельница? Та самая?

Я замедлила шаг, давая отцу уйти вперед на безопасное расстояние, чтобы он не услышал наш разговор.

— Лоренц... — прошептала я, едва шевеля губами. — Ты знаешь, что там?

Он долго смотрел на меня, будто взвешивая каждое слово в голове, продумывая ответ. Затем, почти незаметно, кивнул:

— Если вы решите пойти... я вас провожу.

Почему он так рьяно желает помочь? Или навредить. Очень странный тип.

Где-то вдали сверкнула молния.

На секунду я задумалась. Но только на секунду.

— Нет, спасибо, не нужно! — отмахнулась я рукой, изображая легкомысленное безразличие.

Мало ли кто там может быть! Лучше придерживаться своего плана по выносу мозга герцогу — так надежнее. Ну что может пойти не так? Вернут обратно как неудобную? Сошлют в монастырь? Как много вариантов... а что вообще делают с неудобными?

И мы потопали дальше.

Дождь как на зло не утихал. Отец шел впереди, не оглядываясь, его промокший плащ тяжело хлопал по мокрым сапогам, оставляя за собой следы, которые тут же размывались потоками воды. Лоренц держался рядом со мной, время от времени осторожно предлагая руку, когда мои ноги скользили на особенно коварных участках пути.

— Миледи, вы абсолютно уверены, что не хотите... — он едва заметно кивнул в сторону мельницы, чьи смутные очертания едва угадывались сквозь плотную пелену дождя. Да гляньте, какой настырный!

— Совершенно, стопроцентно, безоговорочно уверена, что не хочу никуда! — ответила я нарочито громко, чтобы «отец» услышал. — Я же должна быть образцовой, безупречной невестой, верно? Разве не этого от меня ждут?

Лоренц сжал губы, его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, но он промолчал.

Постоялый двор, когда мы наконец (Аллилуя! Боги услышали мои мольбы) до него добрались, оказался еще более убогим, чем я ожидала. Это было покосившееся здание с протекающей крышей, из-под которой струйками сочилась вода. Тусклый, дрожащий свет в закопченных окнах — встретил нас снаружи. И въевшийся в деревянные стены запах сырости, смешанный с ароматом старого жира и... чего-то затхлого — встретил нас внутри. Может, тут даже есть не одна (а то и с десяток) дохлых крыс.

«Мда... явно не пять звезд, даже не близко».

Я коротко осмотрелась, пытаюсь найти хоть что-то менее ужасное, чем видела секунду до этого. Но становилось только хуже.

Хозяин, толстый мужчина с красным, точно спелый помидор, носом и неопрятной бородой, едва взглянул на нас, небрежно швырнув на заляпанный стол три ключа.

— Комнаты три. Для благородных господ — две наверху. Для слуг — в конюшне.

Ужин, если это можно было так назвать, подали в общей зале: жесткое, пережаренное до состояния подошвы мясо, которое, кажется, пыталось сопротивляться ножу, черствый, явно вчерашний хлеб и кислое вино, от которого сводило скулы.

Отец молча ковырял вилкой в тарелке, будто надеясь, что

еда внезапно станет съедобной, я же, напротив, с преувеличенным энтузиазмом разыгрывала из себя восторженную дурочку.

— О, какое прелестное, изысканное вино! — воскликнула я, театрально отхлебнув и тут же скривившись, будто проглотила лимон. Прокашлялась и выдавила из себя: — Прямо как тот уксус, которым тетушка Маргарет чистила фамильное серебро! Помните?

Воспоминание всплыло в голове само собой — тетка, вечно недовольная, с тряпкой в руках и бутылью уксуса, которым она драила каждую ложку.

Бедная Алисия. Что у нее за семейка?

Отец едва заметно вздрогнул, Лоренц поспешно прикрыл рот рукой, подавляя смех.

— Алисия, — сквозь зубы, словно выжимая каждое слово, произнес отец. — Хватит. И без того тошно!

— Но, папенька, я же просто делюсь своими впечатлениями о нашей безудержно веселой поездке! — надула я губы, изображая обиду. — Или герцогу не понравится, если его невеста будет... слишком искренней? А вдруг он любит, когда с ним честны?

Отец резко вскочил, отбросив стул с таким грохотом, что даже хозяин постоянного двора на секунду отвлекся от своих дел.

— Хватит есть. Ложись спать. Завтра рано вставать.

Он ушел, оставив меня наедине с Лоренцем, в полутемной

зале, где только потрескивал огонь в камине и капала вода с потолка в ведро, поставленное посреди комнаты.

— Миледи, — тихо, почти шёпотом, сказал тот, когда мы остались одни. — Вы играете с огнём.

— А разве не в этом весь смысл? — улыбнулась я, чувствуя, как по спине пробегают мурашки от удовольствия.

— Миледи... — покачал недовольно головой Лоренц, но больше он ничего не добавил.

## Глава 4

Утро встретило меня бледным, серым светом, едва пробивающимся сквозь узкие щели в покосившихся ставнях. Я проснулась от настойчивого стука в дверь. Это был Лоренц, принес долгожданную весть: новая карета уже была подана и ждала у входа.

«Наконец-то» — мелькнуло у меня в голове, пока я спешно выскакивала из жесткой, как доска, постели, на которой так и не удалось как следует выспаться.

— Миледи... вы... спали так? — окинул меня Лоренц оценивающим взглядом. Я все еще была в том же помятом платье, что и вчера, только теперь складки на ткани выглядели еще более живописно. Конечно, грязь то засохла!

— Я в этом клоповнике даже чулок бы не сняла, — ответила я с презрительным фырканьем, — А вещи, если ты помнишь, остались в той злосчастной карете.

Лоренц замер на пороге, его обычно невозмутимое (либо напряженно-напуганное) лицо вдруг выразило целую гамму эмоций. Взгляд скользнул по моему мятому платью, задержался на растрепанных, вставших дыбом волосах, и вдруг — совершенно неожиданно — в уголках его губ дрогнула заметная улыбка.

— Вы выглядите...

— Как выброшенная на самой проезжей дороге кукла, —

бодро закончила я за него, подходя к маленькому треснувшему зеркалу, висевшему на стене. — О боги, я похожа на ту самую тетюшку Маргарет после ее знаменитой «чистки» буфета уксусом.

Он рассмеялся — тихо, сдержанно, но это был первый по-настоящему искренний звук за все эти бесконечные дни (и что, что мы в пути чуть больше суток) нашего мучительного путешествия.

— Вам следует поторопиться, — внезапно снова став серьезным, сказал Лоренц. — Ваш отец уже внизу. И он... не в лучшем расположении духа.

— Когда он бывает в лучшем? — вздохнула я, безуспешно пытаясь пригладить непокорные локоны, которые упрямо торчали в разные стороны. Знаю этого старика всего ничего, но ощущение, будто он с рождения питается одними лимонами. Или человеческими душами. Иначе откуда у меня такой упадок сил?

Внизу отец действительно ждал у двери, его пальцы нервно барабанили по резной рукояти трости, а лицо было мрачнее грозовой тучи. Увидев меня, он резко развернулся и вышел, не удостоив даже взгляда, не говоря уже о словах.

Карета, увы, оказалась не лучше вчерашней — старое корыто с потрескавшейся краской, скрипучими дверцами и сиденьями, которые, кажется, помнили еще времена прадедушки герцога.

\*\*\*

К столице мы добрались только к ночи, когда городские огни уже мерцали в темноте, отражаясь в лужах после недавнего дождя. Конечно, ни о какой встрече с герцогом Горацио де Верди сегодня и речи быть не могло — приличия и протокол не позволяли устраивать аудиенции в столь поздний час.

Но в этот раз нас хотя бы поселили в более-менее приличном постоялом дворе «Золотой лев», где не пахло плесенью, крысами и другими прелестями дорожных ночлежек. Тут даже была отдельная ванная комната с настоящей медной ванной, о чем я мечтала всю эту бесконечную, изматывающую поездку по разбитым проселочным дорогам.

Не цивилизация большого современного города, но тоже ничего! Хотя бы воду руками таскать не надо — кран и канализация, какие никакие, но имеются, а это уже роскошь после деревенских условий. Главное, что есть возможность привести себя в порядок перед завтрашней встречей с женихом, хоть мне и хотелось бы видеть его лицо, предстань я перед ним в таком виде.

Нет... усталость берет свое.

«Надо смыть с себя всю эту дорожную грязь и хоть немного прийти в себя», — подумала я, уже предвкушая момент, когда смогу погрузиться в горячую воду.

Но радость оказалась преждевременной. Пальцы беспомощно скользили по спине, пытаясь нащупать концы шнуровки. Кто же так туго затянул этот проклятый корсет? Ах да... Я сама. Утром, в спешке, стараясь выглядеть презента-

бельно перед отцом, перестаралась с затягиванием.

После десяти минут мучительных попыток мне удалось ослабить корсет только наполовину. Этого хватило, чтобы кое-как, с трудом и не без бранных слов, выбраться из платья.

— Ну хоть это позади, — выдохнула я, потирая покрасневшие бока, на которых отчетливо проступили красные полосы от шнуровки.

Грязная одежда с шумом упала на пол. Это платье, мой главный козырь, теперь годилось разве что на тряпки.

— Придется завтра облачаться во что-то...более скромное...

Вздых.

Первое прикосновение к поверхности глади вызвало мурашки по коже. Я мгновенно погрузилась в ванну, закрыв глаза от наслаждения.

— Как же приятно!

Горячая вода обволакивала кожу, смывая дорожную пыль, усталость и напряжение последних дней. Я погрузилась глубже, пока вода не скрыла плечи, и закрыла глаза, позволяя теплу проникнуть в самые зажатые мышцы.

Но расслабиться не получалось.

Мысли возвращались к отцу, к этим странным письмам о том, что надо бежать. Что они имели в виду? И почему Лоренц так испугался, когда я отказалась пойти с ним? Заговор?

Резким движением я провела руками по лицу, словно пытаясь смыть не только грязь, но и навязчивые мысли.

— Не сейчас.

Пальцы скользнули ниже, по шее, к ключицам, затем — к груди. Кожа под прикосновениями оживала, мурашки бежали по телу. Я задержала дыхание, когда кончики пальцев коснулись сосков, уже затвердевших от контраста горячей воды и прохладного воздуха.

Глупости.

Но тело не слушалось разума. Рука поплыла дальше, по животу, к бедрам, ниже...

Вода всплеснулась, когда я резко перевернулась, хватая мыло.

— Чёрт! Как все бесит!

«Может... расслабиться?»

На мгновение задумалась — стоит остановиться. Но нет... С чем черт не шутит? Надо же мне как-то снять этот накопившийся стресс, верно? После всех этих тревожных дней я заслужила хоть немного удовольствия!

Пальцы скользнули к запретным местам. Легкие, едва уловимые прикосновения к внутренней стороне бедра вызвали приятную дрожь, пробегающую по всему телу. Кожа там была особенно нежной, чувствительной к малейшему касанию.

«Алисия девственница? В таком-то возрасте?» — эта насмешливая мысль заставила меня невольно улыбнуться. Ка-

кая ирония —взрослая женщина, а до сих пор...

Первое осторожное прикосновение подушечкой пальца к самой чувствительной точке заставило всё тело вздрогнуть. Как давно... я забыла эти ощущения...

Пальцы скользят внутрь совсем чуть-чуть. Слишком туго, но расслабленное горячей водой тело становилось удивительно податливым. Я слегка задвигала бедрами, позволяя себе проникнуть глубже, и с губ сорвался тихий, предательский стон. Толчок, еще один... Тело само подсказывало ритм.

«Ну же!» — подбадривала я себя, чувствуя, как внутри закручивается тугой, сладкий узел напряжения. Ритмичные движения становились все увереннее, настойчивее. Губы сами собой прикусились, чтобы заглушить рвущиеся наружу стоны. В ушах звенело, дыхание участилось, грудь вздымалась глубоко и быстро...

Свожу ножки вместе. И вот оно — мгновение, когда всё тело напряглось, а затем накрыла долгожданная разрядка, волна за волной растекаясь по всему телу.

Я обмякла, беспомощно облокотившись о стенку ванны, чувствуя, как горячая вода ласкает расслабленные мышцы.

— Чертовски приятно... — прошептала я, закрывая глаза и позволяя остаточным судорогам удовольствия прокатиться по телу. На несколько мгновений все тревоги и заботы остались где-то далеко, за пределами этой ванной комнаты.

Но уже через минуту реальность начала возвращаться. Вода понемногу остывала, а вместе с ней уходило и это хруп-

кое ощущение блаженства. Я глубоко вздохнула, понимая, что пора заканчивать с этими глупостями и готовиться ко сну. Завтра предстоял важный день, и нужно было собраться с мыслями.

Последний раз окунув руки в воду, и умыв лицо, я резко встряхнулась, пытаясь смыть с себя не только мыльную пену, но и остатки этого мимолетного сладострастия.

— Хватит, — строго сказала я себе, выскочила из воды, и тут же начала энергично вытираться полотенцем, хоть в уголках губ всё ещё играла довольная улыбка.

\*\*\*

Я проснулась от резкого стука в дверь, заставившего меня вздрогнуть и мгновенно открыть глаза.

— Миледи, — голос Лоренца звучал спокойно, но сейчас его размеренность только раздражала. — Проснулись?

Иди ты... с такими вопросами... понял?

Солнечный свет, упрямо пробивавшийся сквозь узкие щели ставень, ясно давал понять, что утро уже давно вступило в свои права. Я потянулась, чувствуя приятную тяжесть в мышцах после вчерашней... *водной процедуры*.

— Что случилось? — зевнула я, с трудом отрывая голову от подушки и принимая положение сидя.

— Вам нужно вставать. Сейчас. Или опоздаем!

— Опоздаем куда? — спросонья я даже не сразу сообразила, о чем он говорит. Мозг отказывался складывать слова в осмысленные предложения.

Лоренц, не дожидаясь приглашения, распахнул дверь, и в комнату ворвался поток легкий сквозняк из коридора.

Он уже был одет в свой обычный строгий камзол, а в руках держал аккуратный сверток из дорогой ткани. Ого! Кто-то раскошелился?

— На аудиенцию к герцогу, — он бросил сверток на кровать, и тот мягко шлепнулся на одеяло. — Ваш отец уже внизу, он недоволен, что вы так долго спите. Послал меня вас поторопить.

Я резко вскочила, скинув одеяло, как будто оно вдруг загорелось. Встала на обе ноги, поправляя на себе ночную сорочку.

— Черт, черт, черт... — зашептала я, хватаясь за голову. — Я думала, мне все это приснилось! А что? Все уже сегодня? Ну... прям... помолвка и все такое?

Лоренц сжал губы, и в его глазах мелькнуло что-то между раздражением и беспокойством.

— Приснилось?.. Сегодня... — он фыркнул. — Миледи, вы какая-то несобранная в последние дни. Поторопитесь. Герцог не терпит небрежности. Если вы явитесь к нему в дорожном платье, или не дай бог ночной сорочке, он может и передумать насчет этого брака!

Я взглянула на сверток — внутри лежало роскошное платье цвета темного вина, расшитое тончайшими золотыми нитями.

— Откуда это?

— Ваша матушка заказала его еще до отъезда. В качестве подарка к помолвке. Думал, что вы... ну, не станете умышленно портить свои вещи в дороге. Но теперь, это лучший вариант...

Я покраснела. Вчерашнее платье (этот клоунский наряд) действительно было безнадежно испорчено.

— Хорошо, — вздохнула я. — Дайте мне полчаса.

Лоренц кивнул и вышел, оставив меня наедине с новым нарядом.

Платье оказалось еще сложнее, чем предыдущее. Шнуровка сзади, бесчисленные крючки, ленты, завязки... Я уже готова была в сердцах плюнуть на все и выйти в чем есть (пусть забирает такой меня), но тут в дверь постучали снова.

— Войдите! Да чтоб его!

На пороге стояла служанка — юная девушка с пухлыми щеками и робкой улыбкой.

— Миледи, меня прислали помочь вам одеться.

Я чуть не расцеловала ее. Серьезно!

Через двадцать минут я уже стояла перед зеркалом, едва узнавая себя. Платье идеально сидело, подчеркивая линию талии и изящество плеч. Волосы, собранные в элегантную прическу, украшала тонкая золотая нить.

— Вы прекрасны, миледи, — прошептала служанка.

Я немного нервно улыбнулась. Конечно, выгляжу прекрасно... меня ведь так разрядили. Значит, отче догадался о моем плане «идеальной помолвки» и подготовил наряд, ко-

торый герцогу точно приглянется? А ты хитер, старик, хитер.

— Спасибо.

Из коридора донесся резкий голос отца:

— Алисия! Мы уезжаем через пять минут!

Я глубоко вдохнула, собираясь с мыслями.

— Ну что ж... Пора идти знакомиться с женихом?

В зеркале на меня смотрела не просто Алисия — а образец благородной дамы, готовой к важной аудиенции. Но за этим безупречным фасадом скрывалась девушка, которая перед сном позволяла себе совсем другие, куда менее приличные мысли.

«Интересно, что скажет герцог, если узнает?» — мелькнуло в голове, и я едва сдержала ухмылку.

— Миледи, вам нездоровится? — служанка нахмурилась, заметив мою странную улыбку.

Я резко выдохнула, возвращаясь к реальности.

— Нет-нет, все в порядке. Просто... предвкушение.

Та застенчиво опустила глаза, но в уголках ее губ дрогнуло понимание.

— Герцог, к слову... он... — она замялась, подбирая слова, — очень требовательный господин. Вам бы не следовало более одеваться так... как... вы к нам прибыли.

— О? — я приподняла бровь. — А что еще говорят о моем женихе в этих стенах? И за ними?

Девушка испуганно замотала головой:

— О, нет, миледи, я не смею...

— Ну же, — я наклонилась к ней, понизив голос. — Между нами, девушками.

Ее пальцы нервно перебирали край фартука.

— Говорят... что он не терпит глупостей. И что его предыдущая невеста... — она резко замолчала, будто вспомнив что-то страшное.

Мое сердце неожиданно екнуло.

— Что с ней? — спрашиваю вкрадчиво. Даже тон не повышаю, чтобы не подумала, что я ее тороплю. И не испугалась.

— Она... исчезла. За неделю до свадьбы.

В коридоре раздались нетерпеливые шаги.

— Алисия! — отец буквально ворвался в комнату. Его взгляд скользнул по моему наряду, и на лице появилось одобрительное выражение. — Наконец-то (то же могу сказать и о вас, мисье кислый лимон). Карета ждет. Спускайся!

Я бросила последний взгляд в зеркало.

«Исчезла, говоришь?»

— Иду, отец.

Когда я проходила мимо служанки, та едва слышно прошептала:

— Будьте осторожны, миледи.

## Глава 5

Карета тряслась на ухабах, а я сидела напротив отца, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Ты выглядишь... достойно, — наконец произнес он.

— Спасибо, — я машинально поправила складки платья.

— Матушка хорошо выбрала.

— Да. — Он помолчал. — Алисия...

— Да?

— Ты... — он заколебался, что было для него необычно, — ты уверена в своем решении?

Я уставилась на него.

— Это вы настояли на этом браке, отец. Разве нет?

Он сжал губы.

— Верно. Но не думай, что я сделал это, чтобы тебе навредить. Есть вещи, которые ты не понимаешь. Если бы был другой выход...

Карета резко остановилась.

— Мы прибыли, — сказал отец, и его лицо снова стало непроницаемым.

А договорить?

За окном возвышался мрачный... дом, чуть меньше того, из которого мы прибыли. И это владения герцога? Тухловато.

«Ну что ж... посмотрим, что ты за зверь, мой будущий

муж», — подумала я, выходя навстречу своей судьбе.

Массивные ворота небольшого поместья де Верди с тихим, но выразительным скрипом медленно распахнулись, пропуская нас во внутренний двор, окутанный атмосферой былого величия. И это супер мега знатный род? Ремонт бы сделали что ли...

Отец шел впереди, держа спину неестественно прямо, с той самой выправкой, которая выдавала его внутреннее напряжение, он пытался скрыть его за маской невозмутимости. Я же, напротив, едва ли плелась позади, чувствуя, как тяжесть предстоящей встречи давит на плечи, вдобавок к этому наряду.

В просторном, невысоком холле нас встретил высокий, статный мужчина в безупречно сшитом камзоле с вышитым гербом де Верди на груди (очевидно, это был он).

«Ну конечно, сразу видно — знатный сноб, привыкший смотреть на всех свысока», — пронеслось у меня в голове, и я едва сдерживала раздражение, стараясь сохранить лицо.

— Барон Вальтер, — поклонился мужчина с безупречной учтивостью, но без тени теплоты. — Леди Алисия. Прошу вас пройти в гостиную.

Я сделала реверанс. Коротенький, быстрый, просто чтобы занять как-то эту неловкую паузу.

— Леруа, к вашим услугам, — представился он, и в его голосе не дрогнуло ни единой нотки эмоции.

Для кого я так стараюсь?

— Месье Леруа, — сладко улыбнулась я, стараясь придать своему голосу максимальную любезность. — Какая честь быть принятой в этом... — смакую слова на языке, чтобы подобрать приличные, — поистине прекрасном доме.

Отец странно на меня покосился, будто удивленный моей внезапной учтивостью. Леруа же лишь вежливо кивнул, не удостоив мой комплимент особым вниманием, и повел нас по длинному, украшенному гобеленами коридору.

По пути я не упустила возможности продемонстрировать свои лучшие манеры, бросая восхищенные взгляды на роскошное убранство:

— Какие великолепные, изысканные гобелены! Наверное, стоили очень долгой и дорогой работы лучших мастеров?

— Действительно, миледи, — сухо ответил он, даже не оборачиваясь.

— А этот портрет — несомненно, кисти лучших художников столицы? — не унималась я, указывая на очередное произведение искусства.

— Вы удивительно осведомлены, — отметил Леруа, и в его голосе прозвучала легкая, едва уловимая ирония.

Когда мы наконец вошли в просторную, залитую мягким светом гостиную, я сразу же заметила фигуру у камина — высокую, статную, облаченную в дорогой камзол из темно-синего бархата, расшитый тончайшими узорами.

Не раздумывая, я сделала еще один безупречный, почти театральный реверанс, стараясь произвести впечатление:

— Ваша светлость! Какая невероятная честь для меня...

«Мари, — раздался резкий, властный голос из соседней комнаты (за дверьми), прерывая мое приветствие.: — Хватит дурачиться. Ступай к себе!»

Фигура у камина медленно обернулась — и я увидела... женщину? Красивую, гордую, с темными волосами и насмешливыми, чуть прищуренными глазами, но с бледной, почти фарфоровой кожей, словно ее не выпускали на улицу от слова совсем. Возможно, даже с самого рождения.

— Простите, мадемуазель, — засмеялась она, и в ее смехе прозвучала легкая, игривая нотка. — Но я всего лишь сестра герцога! Вы ошиблись!

— А... вот как... — промямлила я, чувствуя, как земля уходит из-под ног, и снова сделала легкий, уже менее уверенный реверанс. Неловко. Очень неловко.

«Боже, я только что приняла ее за герцога! Как? Ну... блин, ну ты что? Совсем забыла, как отличить мужчину от женщины? Стыд и позор», — мысленно бичевала я себя.

— Ваша светлость, — заговорила я, пытаюсь хоть как-то спасти ситуацию, — Я...

— Мари. Мари де Верди, — представилась она и игриво подмигнула мне, словно наслаждаясь моим смущением:

— Добро пожаловать в наш скромный городской дом, будущая невестка (а... так это не основное поместье?) Похоже, твоё пребывание здесь будет... — она медленно прошла мимо, задерживая на мне короткий, но пронзительный взгляд,

— весьма интересным...

Я только глубже вжалась в свой корсет, мечтая, чтобы подо мной разверзлась земля и избавила меня от этого унижения.

Леруа тем временем подошел к высоким, резным дверям (по ту сторону комнаты, откуда и доносился тот самый властный голос), едва сдерживая улыбку, будто наслаждаясь этим маленьким спектаклем. Моим позором, если быть точнее.

— Его светлость внутри. Прошу, проходите...

Отец глубоко вздохнул, поправил воротник, словно готовясь к бою, и пошел первым.

А дальше все пошло еще больше наперекосяк.

Комната была просторной, но удивительно неуютной — высокие потолки, украшенные лепниной, лишь подчеркивали пустоту этого мрачного кабинета. Камин не топился, оставляя в воздухе легкий холодок, а тяжелые бархатные шторы, казалось, намеренно не пропускали ни единого луча света, создавая атмосферу какого-то зловещего уединения.

В углу, под слоем пыли, стоял дубовый стол, старинный и внушительный, весь заваленный бумагами, свитками и чернильницами — видимо, его владелец не слишком заботился о порядке.

И за этим столом...

Сидел мужчина.

Сгорбленный, в не слишком простом, но и не вычурном камзоле, даже слегка помятом, словно он провел в нем не

один час, с темными волосами, собранными в небрежный хвост, который, казалось, был завязан наспех, без малейшего внимания к своему внешнему виду. Бледная, почти серая кожа. Он что-то яростно писал, перо скрипело по бумаге с такой силой, будто он пытался прорвать ее насквозь, даже не подняв головы при нашем входе.

А вот это уже было откровенным неуважением!

— Ваша светлость, мы... — начал отец, вежливо склонив голову, но мужчина резко махнул рукой, не отрываясь от бумаг, даже не удостоив нас взглядом.

— Молчать.

Я замерла. Молчать? Как собаке какой-то! Нет, папаша у меня не святой, конечно, но так с людьми говорить? И это герцог?

Я ожидала увидеть холодного, надменного аристократа с пронзительным взглядом, за которым бегают целый табун девиц с мозгами овечек, готовых пасть к его ногам от одного лишь слова. А передо мной сидел какой-то затворник, больше похожий на переутомленного писаря, чем на владельца огромных земель, чье имя внушало ужас в сердцах местного населения.

Минута.

Вторая.

И тут во мне что-то щелкнуло.

Терпение, очевидно, не самая лучшая моя черта. Ни в том мире, ни в этом.

— Простите, — резко сказала я, и мой голос прозвучал громче, чем я планировала, — но мы приехали по вашему личному приглашению. С теми самыми письмами, где черным по белому было написано, что если опоздаем хоть на минуточку, нас неминуемо ждут последствия. Если вам сейчас не до нас, может, перенесем эту аудиенцию на никогда? Освободим друг другу массу времени! — получилось даже слишком язвительно. Но я хотя бы не послала его благим матом! Так что пусть радуется!

Отец побледнел так, словно его облили ледяной водой и потащили на плаху.

Мужчина за столом наконец поднял голову.

И я увидела его глаза.

Темные.

Глубокие.

Которые, казалось, видят тебя насквозь, читают каждую мысль, каждую скрытую эмоцию.

Холодные.

Острые.

— Представьте, как полагается, — произнес он тихим, но опасным голосом, в котором явно читалось предупреждение.

— Алисия Вальтер, — выпалила я, не отводя взгляда, хотя его пронзительные глаза заставляли меня внутренне содрогнуться. — Ваша невеста, если вы, конечно, еще не забыли.

Тишина.

Отец закрыл лицо руками, словно молясь о том, чтобы земля разверзлась и поглотила его. Хотя, вероятнее всего, мысленно он уже меня пристрелил и бежал далеко-далеко отсюда.

Герцог медленно встал из-за стола.

— А... — он сделал шаг вперед, и в его движении была какая-то хищная грация, затем еще один, и еще, направляясь ко мне, — Так это вы...

Я не отступила, хотя его взгляд заставлял кожу покрываться мурашками, а сердце бешено колотиться в груди.

— Да. Это я, — как можно более горделиво поднимаю голову, чтобы не выглядеть слишком маленькой от страха. — И если вы думаете, что можете...

— Вы кричите на меня в моем же доме, — перебил он, и его голос стал еще тише, но от этого лишь опаснее. — Интересная тактика.

— Я не кричу! — повысила голос я.

Вот теперь кричу. И что?

Отец ахнул, будто ему перерезали горло.

Герцог вдруг... улыбнулся.

Неприятно. Я столько вложила в свою злость, а его это только забавляет!

— Ну что ж, Алисия Вальтер, — он склонил голову в едва уловимом поклоне, но в его глазах читалось что-то недоброе. — Похоже, наша помолвка будет... увлекательной.

Герцог выше меня, почти на две головы. Но я ему не Моська, чтобы слона пугать! Или... как там было.

Я открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь резко распахнулась, и в комнату ворвался запыхавшийся слуга, лицо которого выражало крайнюю степень паники. Тот даже ничего не сказал, просто бросил на герцога умоляющий взгляд, и тот, будто получив незримый сигнал, поспешно ретировался:

— Барон, мадемуазель (сам такой). Прошу прощения, но дела требуют моего присутствия. Мы продолжим этот... разговор... за ужином.

И прежде чем я успела что-то сказать, он вышел, оставив меня в полном недоумении.

«А поругаться?»

Отец схватил меня за руку с такой силой, будто пытался удержать от прыжка в пропасть.

«Вот тебе и поругаться. Сама хотела! Хавай!»

— Ты совершенно не умеешь себя вести! — прошипел тот на меня, чуть не забрызгав от злости слюной.

Я вырвалась.

— А он совершенно не похож на жениха!

— Это герцог де Верди, Алисия! Когда он говорит, надо заткнуть рот и слушать!

— Да? — я скрестила руки на груди, чувствуя, как гнев пульсирует в висках. — А по мне — просто грубиян, который даже не удосужился нормально поздороваться!

Отец закатил глаза так, будто молил небеса о терпении.  
— Господи, за что мне это...

Я фыркнула и вышла в гостиную, оставив его ругаться в одиночестве.

Вывод:

Знакомство с женихом прошло идеально.

Если, конечно, идеал — это взаимная неприязнь с первых же секунд, обмен колкостями и ощущение, что следующий разговор закончится либо дуэлью, либо тем, что кто-то кого-то придушит.

Но что-то подсказывало мне, что это только начало.

И герцог де Верди еще покажет, на что способен.

А я заставлю себя пожалеть о том, что ему нагрубила.

# Визуал. Мария Де Верди

Мария Де Верди – младшая в семье, но её рост в 175 см и сильный характер явно показывают, что "слабой" её не назовёшь.<br>

Она:<br>✓ **Уверенная в себе** – не даёт себя в обиду, даже если младше других.<br>✓ **Физически сильная** – высокий рост может означать хорошую спортивную форму (не забываем, что она вампир)<br>✓ **Энергичная** – её присутствие сложно не заметить.

##

# Визуал. Горацио Де Верди

## Горацио де Верди – Вечная Тайна

Его имя звучит как шепот веков, а взгляд, словно алый рассвет над полем забытых битв, обещает либо бессмертную страсть, либо вечный покой.

Он не подвластен времени. Он – сама загадка. **Горацио де Верди** – вампир, чей облик сочетает аристократическую утончённость и холодную силу. Его высокий стан, пронизывающий взгляд и аура вечной тайны делают его неотразимым.

**Почему Горацио?**   
✓ **182 см** – властная стать, перед которой трудно устоять.   
✓ **Возраст неизвестен** – он видел эпохи, но сохранил безупречный облик.   
✓ **Алые глаза** – в них глубина веков и обещание вечной ночи.

Он не просто герой – он легенда. **Осмелишься ли ты встретиться с ним взглядом?**

**Тьма зовёт...**   
##   
Альтернативная версия внешности:

## Глава 6

Меня проводили в роскошные апартаменты, которые, казалось, были созданы специально для того, чтобы подчеркнуть мое нынешнее положение – не столь гостыи, сколь пленницы в этом доме. Высокие потолки, украшенные изысканной лепниной, массивные дубовые двери, тяжелые портьеры из дорогой ткани – всё здесь дышало холодным величием, словно напоминая: ты здесь чужая.

Служанки уже сутились вокруг, подготовив для меня вечерний туалет – темно-синее платье с серебряной вышивкой, которое, должно быть, было подобрано специально, чтобы подчеркнуть бледность моей кожи после пережитого стресса.

— Госпожа... давайте вас нарядим, — вежливо, но без тени теплоты произнесла старшая горничная, и я прямо чувствовала, как она меня ненавидит. Еще бы! Она моложе, и не такая уж дурнушка, а в невесты герцога привезли какую-то бледную, нервную «старушку», которая даже не умеет вести себя прилично.

«Боже, как же я ненавижу корсеты», — подумала я, лоя ртом воздух, пока горничная затягивала шнуровку с такой силой, будто пыталась переломить мне позвоночник. В голове внезапно всплыл образ моего гардероба из прошлой жизни – мягкие джинсы, удобные свитшоты, кроссовки, которые

не требовали целого штата прислуги, чтобы просто одеться.

— Миледи, вам дышать тяжело? — служанка на мгновение остановилась, заметив, как я побледнела еще сильнее.

— Нет-нет, всё в порядке, — прошептала я, хотя в глазах уже темнело, а в висках стучало.

Внутри заныла старая, знакомая тоска. «Вот бы сейчас просто надеть худи, заказать пиццу и упасть перед сериалом с ноутбуком, вместо этого...»

Но вместо этого – корсет, который сжимал ребра так, что каждый вдох давался с трудом, платье с километрами ткани, которое весило, как доспехи, и ужин с женихом, который, кажется, возненавидел меня с первого взгляда. Или не первого.

— Готово, — наконец объявила горничная, отходя в сторону с видом человека, выполнившего тяжкий долг.

Я посмотрела в зеркало.

Отражение было безупречным – благородная бледность, волосы, уложенные в сложную прическу, холодное, почти ледяное выражение лица. Никто бы не догадался, что внутри у меня бушевала настоящая буря:

«Почему я не могу просто сказать всем этим людям, что их «приличия» – это чушь? Что женщины в моём мире управляют корпорациями, носят, что хотят и выходят замуж по любви, а не по приказу родителей? Что они могут быть кем угодно – хоть космонавтами, хоть президентами, и никто не посмеет назвать это «неприличным»?»

Но это не имело значения.

Потому что «мой мир» был теперь лишь воспоминанием.

А здесь, в этих стенах, я должна была играть по чужим правилам.

По крайней мере... пока.

Я глубоко вдохнула (насколько это вообще было возможно в корсете) и выпрямилась, глядя на свое отражение с новым решительным блеском в глазах.

— Время идти на ужин, — сказала я своему отражению.

И добавила про себя:

«Но если этот герцог думает, что я сломаюсь... он сильно ошибается.»

Ровно в восемь часов, как и было предписано строгим дворцовым этикетом, меня проводили в столовую.

Просторный зал, освещенный сотнями свечей в массивных канделябрах, казался одновременно величественным и пугающим. Длинный дубовый стол, отполированный до зеркального блеска, не ломился от изысканных блюд. Только фрукты и пара порционных закусок, от одного вида которых у меня свело желудок.

И три пары глаз, устремившихся на меня, когда я переступила порог:

\* Отец (все еще красный от злости, с плотно сжатыми губами, явно проклиная меня в мыслях).

\* Герцог (с невозмутимым, как будто маска, лицом).

\* Его сестра Мари (с явным любопытством и ухмылкой,

будто она уже предвкушала представление).

— Прошу прощения за опоздание, — сделала я идеальный реверанс, хотя внутри все кипело от возмущения этим театром.

— Ничего страшного, — проронил герцог, указывая на место справа от себя изысканным движением руки. — Мы только начали.

Я села, стараясь не смотреть в его сторону, но чувствуя, как его взгляд скользит по моему лицу.

Первые блюда подавали в гробовой тишине. Только звон серебряных приборов о фарфоровые тарелки нарушал тягостное молчание, становившееся с каждой минутой все более невыносимым.

— Итак, — наконец заговорила Мари, игриво вертя бокал с красным вином между тонких пальцев. — Алисия, расскажи нам о себе.

— Что именно вас интересует? — вежливо улыбнулась я, хотя в глазах уже загорались искорки раздражения.

— Ну, например, — она бросила многозначительный взгляд на брата, — как ты относишься к браку по расчету?

Вилка в моей руке дрогнула, оставив царапину на дорогом фарфоре.

— Мари, — предупредительно произнес герцог, и в его голосе прозвучала сталь.

— О, прости! — фальшиво прикрыла рот рукой сестра, изображая раскаяние, которое не дошло до глаз. — Я же за-

была, что у вас уже был... интересный разговор сегодня.

Отец закашлялся, будто подавился, его пальцы судорожно сжали салфетку, и тот наспех вытер губы.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как корсет сжимает ребра, но не позволяя себе дрогнуть.

— Если честно, — сказала я, глядя прямо на герцога, — я всегда считала, что брак должен быть основан на взаимном уважении. Даже если он... по расчету.

Герцог медленно поднял глаза от тарелки. Наши взгляды встретились — его холодные, оценивающие, мои — полные вызова.

— Уважение, — повторил он, как будто пробуя это слово на вкус. — Интересная точка зрения.

— А вы разве не согласны? — не удержалась я, чувствуя, как отец под столом отчаянно пинает меня ногой. Я шикнула и укусила себя за щеку, недовольно косясь на него всего на секунду. А потом переключила все внимание на будущего муженька, решив не отступать.

Герцог отложил нож и вилку с такой точностью, будто готовился к дуэли.

— Уважение нужно заслужить, — произнес он тихо, но так, что каждое слово прозвучало как удар хлыста. — А не требовать его с порога. Еще и в чужом доме.

Тишина повисла в воздухе, густая и тягучая.

— Разве, после замужества, этот дом не станет и моим?

Мари замерла с открытым ртом, забыв о своем обычно

безупречном выражении лица. Отец выглядел так, будто вот-вот упадет в обморок, его пальцы судорожно вцепились в край стола.

Внезапно герцог улыбнулся.

Настоящей, живой улыбкой, которая преобразила его обычно холодное лицо.

— Верно. Возможно, — продолжал он, и в голосе появились неожиданные теплые нотки, — нам стоит начать с чистого листа.

И с неожиданной галантностью подал мне блюдо с фруктами — сочными персиками и виноградом, сверкающими в свете свечей.

Я растерялась, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

«Что за игра? То холоден, то вдруг любезен... Он что, испытывает меня?»

— Благодарю, — осторожно взяла я персик, стараясь сохранить спокойствие. — И каковы же планы?

— Для начала я представлю вас императору, — произнес герцог, и в его глазах мелькнуло что-то, что я не смогла прочитать. — Назначим дату церемонии, проведем ее, и вернемся в мои земли.

Он сделал паузу, и следующая фраза прозвучала почти как предупреждение:

— Надеюсь, вы готовы к жизни при дворе, мадемуазель Вальтер.

Я встретила его взгляд и улыбнулась в ответ — так же хо-

лодно и расчетливо.

— О, ваша светлость, — прошептала я, — вы даже не представляете, насколько.

\*\*\*

Следующие несколько дней прошли в напряжённом ожидании и бесконечными уроками этикета. Герцог исчез в своих делах, вместе с моим горе-папашей, оставив меня на попечение строгой компаньонки — мадам Жозефин, женщины с лицом, высеченным из гранита, и манерами, от которых кровь стыла в жилах.

Каждое утро начиналось с её ледяного голоса, доносящегося из-за двери:

— Мадемуазель Вальтер, вставайте! Вы уже должны быть одеты и причесаны к завтраку!

И так — с восхода до заката.

— Руки ниже, спина прямее, шаг короче, — шипела она, сопровождая меня по коридорам дома, где каждое зеркало отражало моё измученное лицо. — Вы — будущая герцогиня де Верди, а не деревенская девчонка! Что с вашими манерами?

Я стиснула зубы, чувствуя, как от её придинок начинает болеть голова.

«О, если бы ты знала, откуда я на самом деле... Если бы знала, что я не просто «неотесанная провинциалка», а человек из другого времени, где женщины не обязаны ходить, как манекены, и кланяться каждому встречному герцогу...»

— Нормальные у меня манеры! — не выдержала я: — Просто вы слишком грубая!

— Что за тон?! — отчитывает меня как маленькую, и в её глазах вспыхивает что-то злобное. Тут же бьёт по рукам тонким прутиком, который она, кажется, всегда держит наготове.

Тот оставил на моей коже красную полосу. Я вскрикнула больше от неожиданности, чем от боли.

— Вы что, с ума сошли?! — вырвалось у меня, прежде чем я успела подумать.

Мадам Жозефин побледнела, её тонкие губы сжались в ниточку, а в глазах появилось что-то... почти испуганное. Но ненадолго.

— Воспитание начинается с дисциплины, мадемуазель. А вы ведёте себя как избалованная торговка с рынка.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как гнев поднимается по спине горячей волной.

«Сосчитай до десяти. Не дай ей победить. Не опускайся до её уровня...»

— Мадам Жозефин, — произнесла я намеренно медленно, подчёркивая каждое слово, — если вы ещё раз поднимете на меня руку, я лично попрошу герцога найти вам другое место службы. Где-нибудь... подальше от двора.

Её глаза расширились, а пальцы судорожно сжали прутик.

— Вы... вы не смеете... Герцог лично нанял меня, чтобы проверить ваши манеры... и... — она явно растерялась.

Начала даже заикаться, что для такой железной леди было немыслимо.

— О, я ещё как смею, — улыбнулась я, наслаждаясь моментом. — Ведь я же «будущая герцогиня де Верди», не так ли?

Компаньонка резко выпрямилась, будто проглотила лимон, и её лицо исказилось в гримасе возмущения.

— Сегодняшний урок окончен, — прошипела она. — Завтра продолжим.

И ушла, хлопнув дверью так, что задрожали хрустальные подвески люстры.

Вечером я сидела у камина, растирая покрасневшую ладонь, когда в дверь тихо постучали.

— Кто там? — бросила я раздражённо, не в силах скрыть досаду.

Герцог стоял на пороге, залитый мягким светом камина. Его высокий силуэт казался ещё более внушительным в полумраке комнаты. В руках он держал небольшую шкатулку из тёмного дерева.

— Можно? — его голос звучал спокойно. И это раздражало.

Я невольно выпрямилась, пряча покрасневшую ладонь в складках платья.

— Конечно, ваш же дом... вам везде можно.

Он пропустил мою колкость мимо ушей и вошёл, закрыв за собой дверь. Потом медленно подошёл ко мне. Его взгляд

скользнул по моей руке, густые тёмные брови чуть приподнялись.

— Мадам Жозефин? Кажется, в этот раз перестаралась. Я сжала губы, не смотря на мужчину.

— Она считает, что воспитывает меня.

Герцог поставил шкатулку на стол рядом со мной и открыл её. Внутри лежала баночка с мазью, тонкие перчатки из мягкого шелка и... маленький флакон с духами, пахнущий лавандой и чем-то ещё, тёплым и успокаивающим.

— Я удивлён. Не ожидал, что она применит... физические методы, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучало что-то, отдалённо напоминающее извинение.

Я уже хотела расслабиться, но тут он добавил:

— Похоже, вы слишком плохо себя вели.

А нет. Показалось.

Я фыркнула, но взяла баночку с мазью.

— Спасибо. Хотя я бы предпочла, чтобы вы просто уволили её.

Он сел напротив, откинувшись в кресле, и его глаза блеснули в свете огня.

— А вы бы предпочли, чтобы я всегда решал ваши проблемы за вас, мадемуазель Вальтер?

Я замерла, чувствуя, как его слова задевают меня за живое.

— Нет, — ответила я тихо. — Но иногда помощь не помешала бы.

Герцог улыбнулся — впервые по-настоящему, без привычной холодности.

— Тогда, возможно, нам стоит начать с малого.

И протянул руку, чтобы помочь мне нанести мазь. Не доверяю я ему. Приму помощь сейчас? Пф. Нет! Демонстративно буду мучиться, но открою баночку сама!

Я резко отдернула руку, сжимая баночку так, что костяшки пальцев побелели.

— Не надо. Я сама.

Герцог замер, его рука так и осталась в воздухе — изящная, с длинными пальцами, привыкшими к перчаткам и дорогому перу. В глазах мелькнуло что-то нечитаемое — то ли раздражение, то ли... уважение? Показалось, наверное.

— Как угодно, — наблюдая, как я с трудом открываю крышку, в уголке его рта дрогнула тень улыбки.

Баночка не поддавалась. Я кусала губу, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы бессилия. Но сдаться? Ни за что. Особенно, когда он так таращится.

— Упрямство — не всегда добродетель, — заметил он, когда я уже готова была швырнуть ненавистную баночку в камин, сложить руки на груди и надуться как младенец, которому не дали желанную конфету.

— А покровительственный тон — не всегда мудрость, — огрызнулась я, наконец с треском открыв крышку.

Герцог рассмеялся — по-настоящему, от души. Этот смех был таким неожиданным, что я на секунду растерялась.

Уставилась на него, брови домиком, щеки надуты. Нелепо выгляжу, наверняка.

— Вот почему я терплю ваше присутствие, мадемуазель Вальтер. Вы — как свежий ветер в этих затхлых коридорах. Я замерла с мазью на пальцах.

— Терпите, значит? — вышло слишком язвительно.

Он внезапно наклонился вперед, его лицо оказалось так близко, что я различала золотистые искорки в темных глазах и едва уловимый аромат кожи — холодный, как зимний лес.

— Да. В основном. В остальном наслаждаюсь. Каждой вашей дерзостью и каждым непокорным взглядом.

Сердце бешено стучало. Сейчас, когда он так близко, я отчего-то не слышу его дыхания.

— Тогда почему... — слова не хотят выходить из горла.

— Даже самому красивому и дикому цветку нужна подрезка, — его пальцы легли на мое запястье, осторожно разворачивая ладонь. — Иначе он зачахнет.

Я не сопротивлялась, когда он взял баночку и начал наносить мазь. Его прикосновения были... неожиданно нежными, хоть и холодными.

— Я не зачахну, — прошептала я.

«Холодный... не дышит...»

— Знаю, — он вдруг поднес мою ладонь к губам, едва касаясь кожи. — Вы сожжёте весь этот мир дотла, если понадобится.

В дверь резко постучали.

— Ваша светлость, срочные документы! — раздался голос секретаря.

Герцог вздохнул, отпустил мою руку и отошел на пару шагов.

— До завтра, мадемуазель.

Когда дверь закрылась, я наконец выдохнула, чувствуя, как комок в горле медленно рассасывается.

Я сидела еще несколько минут, глядя на свою ладонь. Мазь уже впиталась, но след от его прикосновения остался — легкое покалывание, будто от мороза.

«Не дышит... холодный...»

## Глава 7

Сегодня занятий не будет. За завтраком я сверлила Мари взглядом, не отрывая глаз от её бледного лица. Жевала кусок подгоревшего тоста и смотрела, смотрела, пока глаза не начали слезиться от напряжения.

Она тоже не дышит. Делает вид — поднимает грудь, будто делает вдох, но когда задумывается о чем-то, просто глотает вино и... всё. Ни единого естественного вздоха.

Мне показалось, что что-то не так, еще когда мы сюда прибыли. Но чтобы НАСТОЛЬКО не так!

— Просверлишь во мне дыру, — произносит она без вот этого аристократического «вы»-канья (герцог куда-то снова улетучился, оставив нас одних), отрезая кусок мяса с такой точностью, будто режет не стейк, а чью-то глотку.

— Ты не дышишь, — тоже «ты»-каю ей в ответ, отбрасывая все приличия.

Она поворачивает голову, смотрит на меня.

— М?

— Не дышишь. И бледная... Бледнее, чем вчера. Макияж не наносила...

Мари медленно положила вилку. Её пальцы — неестественно белые, почти фарфоровые — резко контрастировали с тёмным деревом стола.

— Ты слишком много фантазируешь, — сказала она, но

уголки её губ дёрнулись в полуулыбке, обнажив чуть более острые, чем положено, клыки.

Я наклонилась через стол, понизив голос до шёпота:

— И сердце у тебя не бьётся. Я проверяла, когда ты спала.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Даже слуги за дверью будто замерли, перестали шелестеть юбками и звенеть посудой.

Мари откинулась на стуле, изучая меня. Её глаза — такие же тёмные, как у герцога — вдруг стали... старше. Гораздо старше. Алый отблеск заменил карий цвет, полностью вытесняя его.

— И что же ты будешь с этим делать? Даже любопытно, — Де Верди сложила руки в замок, уставившись на меня, не моргая.

Я сглотнула, но не отвела взгляд:

— Вы... вампиры, да? Или... как у вас тут это называется.

Самой смешно от того, как это звучит вслух. Сердце замирает в груди от страха. Но я просто обязана спросить! Мне еще жить с ними!

— Вампиры, — она кивнула, — Один из древнейших родов.

— Я не понимаю... — честно призналась я. Пазл никак не складывался. Если эти оба вампиры... я тут им на кой?

Мари улыбнулась, и в этот момент я поняла, что она читает мои мысли.

— То, что мы вампиры, не значит, что нам не нужно

потомство, — сразу пошла она с моих самых страшных догадок в голове. Разумеется, после той, где меня изопьют как коктейль.

— Чего? — почти пропищала я, — Пот...потом...потомства?

Она рассмеялась — звонко, как колокольчик, но в этом смехе не было ничего человеческого.

— Да, дорогая. Не волнуйся, это большая честь!

Я вскочила со стула, опрокинув бокал. Красное вино растеклось по скатерти, как кровь.

— Я не согласна! — возмутилась, а потом спросила: — Что, если я не согласна?

Мари лишь подняла бровь.

— Разве тебя спрашивали? По мне, так твоя семья уже все решила за тебя.

Я смотрю на нее. Она на меня. Так вот почему герцог не сильно разборчиво подбирал невесту. Нашел постарше, чтоб когда родит — проще было избавиться? Никто и спрашивать не станет. Скажут, ну, соболезнаем, немолода была уже, куда сами смотрели то.

— Для человека у тебя слишком бурная фантазия, — прокомментировала Мари. Снова читает мои мысли! Негодяйка!

— Не копайся в моей голове! — почти пропищала я, накрывая ее ладонями. Ну а что? Вдруг это как-то поможет.

Мари лишь рассмеялась.

— О, милая... а кто сказал, что я копаюсь только в твоей голове? Таков уж у меня дар! — развела она руки в стороны.

— Да плевать мне на чужие! В мою не лезьте! — сказала, топнула, и побежала в «свою» комнату.

Дверь захлопнулась. Я прижалась спиной к полотну, а потом скатилась по нему на пол. Вампиры. Реальные. Не из сказок. И я невеста одного из них!

Я ему нужна как инкубатор? Или прикрытие, чтобы не лезли?

Просидела так до вечера. Несколько раз даже задремала, пока в дверь не раздался стук. Тихий.

— Ну что ты? Успокоилась? — это была Мари, — Прости! Ты просто так забавно побледнела, что я не удержалась!

Не удержалась? От чего? От того, чтобы перепугать меня до смерти?

— Я не могу читать мысли, если не смотрю в глаза! Открывай! Давай поговорим? Братец меня не жалуется, если ты что-нибудь сотворишь «эдакое»? А он скоро вернется!

— Что например? — спросила я сухо. Само собой вышло.

— Так и будем говорить через дверь?

Я шумно выдохнула, но ничего не ответила. Только поднялась с места и чуть приоткрыла дверь, выглядывая наружу.

Там стоит Мари, но теперь её выражение было совсем другим: игривая маска спала, осталось что-то... усталое?

— «Сотворишь эдакое» — это, например, попытаешься повеситься на собственных чулках, — она бросила взгляд на

мою кровать, где как раз лежали шелковые чулки. — Или выпрыгнешь в окно. Хотя...

Она махнула рукой — и решетки за окном, что служили для закрепления ставней, согнулись, будто бумажные, перекрывая путь даже для открывания створок самого окна.

— Видишь? Бесполезно.

Я сжала кулаки. Класс. Теперь еще и не проветрить.

— Пришла поиздеваться?

Мари вздохнула, прошла мимо меня, толкая дверь, и неожиданно плюхнулась на сундук, подперев подбородок рукой.

— Потому что ты первая за сто лет, кто не упал в обморок при виде клыков. Даже императорский двор не очень нас жалует. Хотя мы давненько уже не охотимся на людей как прежде.

— Это должно меня утешить?

— Нет.

Она внезапно наклонилась вперед (будто готовясь к прыжку), и я отпрянула.

— Братец хочет наследника. Чтобы продолжить род.

— Почему не вампира?

— Потому что мы бесплодны. Практически.

Тишина.

— Практически?

— Да. Практически. — Мари усмехнулась. — Мертвая плоть не рождает новую. Может только зачать, и увы, это от-

носятся только к мужчинам, так что...

Я почувствовала, как по спине побежали мурашки.

«Зачать? В смысле... ну... э-э-э...»

— Ты как маленькая, Алисия, — смеется Мари, — Он ведь твой будущий муж! Конечно, вы будете делить одну постель!

За ужином я молчала. Ела и молчала, сверля взглядом тарелку так, будто хотела прожечь в ней дыру. Наверное, это выглядело слишком пугающе. Или странно. Мари покачивала бокал в руке, попивая вино с видом человека, наблюдающего за особенно интересным спектаклем.

Я молчу, а герцог смотрит то на меня, то на нее, и снова на меня, будто пытается разгадать, о чем мы говорили до его прихода.

— Как прошел день? Сегодня будут колкости? Или мадемуазель устала? — подшучивает он надо мной. Ишь какой! Вы гляньте! Еще хватает наглости разыгрывать из себя галантного кавалера!

Я медленно подняла глаза от тарелки и встретила его взгляд.

— Колкости? — мой голос прозвучал хрипло, словно я целый день кричала. — Вы хотите, чтобы я острила, пока обсуждаете, как будете меня... использовать? — о, не смотри на меня так! Это было самое приличное слово из тех, что крутилось на языке! В моем мире тебя бы послали на три веселых буквы, да так, что слуги покраснели бы до пяток.

Бокал в руке герцога замер на полпути ко рту. Мари закашлялась, будто подавилась вином, но по ее глазам было видно — она еле сдерживает смех. Ее это... забавляет?

Герцог опустил бокал с такой осторожностью, будто боялся раздавить хрусталь пальцами.

— Ты говоришь так, будто мы собираемся зарезать тебя на алтаре.

— А разве нет? — я нарочно громко стукнула вилкой по тарелке, заставив даже слуг за дверью вздрогнуть. — Мне вот ясно сказали — «зачать».

Тот недобро посмотрел на сестру, что искусно делала вид, будто она тут ни при чём, ничего не рассказывала никому, разглядывает узоры на скатерти.

Я продолжила:

— Значит, вам нужна всего одна ночь, верно? А потом...

— А потом ты станешь самой богатой герцогиней в пяти королевствах, — он улыбнулся, и в этом оскале не было ничего человеческого, только холодный расчет. — Если, конечно, не захочешь уйти.

Тишина.

Мари вдруг вскочила, опрокинув стул.

— Братец! — её голос дрогнул, и впервые за все время я увидела в ее глазах что-то, похожее на страх. — Мы договаривались иначе!

Герцог вздохнул, будто уставший учитель, которому надоел капризный ученик. О чем они вообще? О чем договари-

вались?

— Мари, дорогая, сядь...

— Нет! — она резко повернулась ко мне, и ее пальцы впились в край стола так, что дерево затрещало. — Раз уж на то пошло! — она посмотрела на меня, — Алисия, ты должна знать на что соглашаешься.

— На что? — почти спокойно спросила я.

— Ребенок будет...

— Будет? — повторяю за ней, а она говорит еще тише:

— Будет не совсем человеческим... И роды... есть шанс, что ты их не перенесешь.

Столовые приборы с грохотом упали на пол, а я почувствовала, как по спине пробежал ледяной пот.

— Мари... — Герцог встал, его тень растянулась по стене, превратившись в нечто с крыльями и когтями. — Довольно! — его голос ударил по ушам, как удар хлыста. — Ты испугаешь её до смерти раньше времени.

Де Верди младшая сжала кулаки, но промолчала, лишь бросив на брата взгляд, полный немой упрёк.

Я медленно поднялась, чувствуя, как дрожат колени.

— Значит, вы хотите... полувампира? — слишком восхищенно для инкубатора. Тебе только что сказали, что так и помереть можно. Надо бы сбавить тон.

Герцог замер. Даже Мари выглядела потрясенной.

— Откуда ты...? — начала она.

— Догадалась? — я горько усмехнулась. — Потому что

это единственное, ради чего вам может понадобиться живая женщина. Вы не можете зачать чистокровного, но гибрид... — я такое в книгах читала. В романах часто используют этот ход. И они идут прямо по такому сценарию, — У меня широкие бедра. И если что-то пойдет не так — никто даже панику не поднимет. Скажет, старородящая была.

Я моргнуть не успела, как герцог оказался в сантиметре от меня, даже не сделав шага — просто исчез и появился.

— Ты слишком умна... для своей же пользы, — прошептал он, его дыхание было холодным, как зимний ветер. Я не отступила, хоть сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди.

— А вы слишком уверены в том, что я соглашусь, узнав правду.

Его губы растянулись в улыбке, обнажив клыки.

— О, милая... а мне нужно твое мнение?

Его пальцы скользнули по моей шее, холодные, как мрамор, но почему-то от этого прикосновения внутри всё сжалось в горячий комок.

— Нужно... иначе бы уже просто сделали, что собирались.

Я смотрела в его глаза не в силах отвести взгляд. По закону жанра сейчас должен последовать либо укус, либо удар, либо... поцелуй. СТОП! О чем я вообще думаю? Меня правда привлекает этот мужчина?

— Ты дрожишь, — прошептал герцог. Его дыхание пахло

вином и чем-то металлическим — кровью?

Я собрала всю волю в кулак и выдавила:

— От страха. Вы ж меня сейчас задушите!

— Лжешь.

Его губы почти коснулись моей кожи. Где-то за спиной Мари замерла, будто превратилась в статую. Сейчас кажется, что мы с ним наедине.

— Братец... — её голос прозвучал предупреждающе. Она за меня боится?

Но он не отстранился. Наоборот — его рука обвила мою талию, прижимая так близко, что я почувствовала... ничего. Ни сердцебиения, ни тепла. Только ледяную грубую силу.

— Ты хочешь этого, хочешь остаться, и быть близка со мной, — он провёл клыком по моей ключице, не кусая, просто... пробуя. — Я чувствую твой пульс. Слышу, как кровь стучит в висках. Ты боишься, но не хочешь убегать.

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт. Он же во всем блин прав! Я как идиотка просто наблюдаю за тем, как за меня все решают, и делаю, что скажут!

— Может, мне просто некуда бежать? — попыталась я объяснить, но голос предательски дрогнул.

Герцог рассмеялся — низко, глубоко, как гром перед бурей.

— Тогда скажи «нет». Это же так просто, верно?

Его губы коснулись моей шеи. По спине пробежали мурашки, но точно не от страха.

Я выставила руку между нами, упершись ладонью в его грудь.

— У меня встречные условия! — заявила как можно увереннее, хотя сердце бешено колотилось. — Раз уж все было решено вместо меня. Дома меня не ждут. Идти мне некуда и не с чем. Так что...

Он чуть отстранился, рассматривая мое лицо с любопытством коллекционера, нашедшего необычный экспонат.

— М?

— Во-первых, моя безопасность. Полная и безоговорочная. — Я перевела дух. — И...

— И? — он поднял бровь, явно развлекаясь.

— Никакой близости до свадьбы. И она не должна быть просто формальностью. — Я скрестила руки на груди, опираясь спиной о его руку, что продолжает меня держать так, будто я сижу в кресле. — Все должно быть как положено. Вы богатый, вам труда не составит устроить настоящее торжество.

Герцог замер. Его брови медленно поползли вверх. За моей спиной Мари подавила смешок, прикрыв рот кружевным платочком.

— О-о, — он отступил на шаг, скрестив руки на груди. — Значит, ты согласна на брак, но требуешь... церемонию? Увлекательно...

Я кивнула, чувствуя, как кровь приливает к щекам. В голове мелькнула мысль, что, возможно, я сошла с ума. Мне

бы бежать куда подальше от этого чертяки, но язык говорит обратное мозгу, как и тело.

— И что это даст? — он наклонился, будто изучая диковинное существо. — Бумажка с печатью? Кольцо? Ты думаешь, это что-то изменит? Ты все равно можешь умереть.

— Для меня — да. Нет гарантии, что если попытаюсь сбежать, или вернуться в отчий дом — долго проживу, — я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. — Но... я не собираюсь... — голос дрогнул, но я взяла себя в руки, — становиться чьей-то собственностью без хотя бы этих формальностей.

— О, боги, она хочет романтики! — Мари закатила глаза так театрально, что, казалось, они вот-вот останутся смотреть в потолок. — Братец, тебе придётся дарить цветы и читать стихи. Возможно, даже целовать ручки на людях.

Герцог скривился, будто от зубной боли.

— Ты серьёзно? — посмотрел тот через плечо на сестру, потом на меня.

— Абсолютно, — я выпрямилась во весь рост, насколько это было возможно. — Я хочу свадьбу. Настоящую. С гостями, фатой, свадебным пирогом... — я сделала паузу для драматизма, — и каретой с белыми лошадьми. Раз уж я тут инкубатор, то хотя бы наслажусь своими привилегиями.

В зале повисла такая тишина, что стало слышно, как за окном шуршат листья. Меня сейчас убьют за мои хотелки?

Но герцог рассмеялся — громко, искренне.

— Белыми лошадьми? — он вытер несуществующую слезу уголком манжеты. — Дорогая, они будут воротить носы от меня за версту.

— Тогда покрасьте их, заткните им носы, — парировала я, не моргнув глазом, — Что хотите сделайте, но чтобы были.

Мари разразилась таким смехом, что ей пришлось опереться о стол.

— О, мне нравится эта девочка! — Она с трудом перевела дух. — Братец, похоже, ты наконец-то встретил свою пару!

Герцог вдруг стал серьёзным. В его глазах мелькнуло что-то... почти человеческое.

— Хорошо. Ты получишь свою свадьбу, — он сделал шаг вперёд, и мне пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом. — Но знай: после «да» — никаких отсрочек. Никаких «я не готова». Никаких...

— Я поняла, — перебила я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Он улыбнулся — медленно, снова демонстрируя клыки.

— Вот и отлично.

## Глава 8

Императорский дворец. Тронный зал.

Золото и мрамор, отполированные до зеркального блеска. Высокие потолки, украшенные фресками, изображающими сцены из древних войн. Сотни свечей, отражающихся в огромных зеркалах, создавая иллюзию бесконечного пространства. Читала в какой-то книжке, что в это время года при дворе проводят особенно много балов.

Десятки пар глаз, жадно впивающихся в меня, когда я вошла под руку с герцогом. Его холодные пальцы чуть касались моих, но для уверенности этого было более чем достаточно.

«Мне определённо завидуют...» — невольно скользнула мысль.

Сегодня и правда удобный случай, чтобы выставить меня напоказ, как новую драгоценность в коллекции герцога, да познакомить с императором, после чего обещанная мне свадьба и...

— Герцог Горацио де Верди и Леди Алисия Вальтер! — возвестил церемониймейстер, когда мы подошли почти к середине, и его голос эхом разнесся по залу, выкидывая меня из собственных мыслей.

Тишина. Теперь все взгляды на нас.

Император на троне, седовласый мужчина с пронзительным взглядом, изучающе оглядел меня с ног до головы. Его

глаза, холодные как лед, скользнули по моему наряду, задержались на лице, и я почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

«Какой-то старый изврат...»

Он поднялся с места и направился к нам.

«Какая честь! Гляньте!»

— Так это и есть твоя невеста? — его голос прозвучал насмешливо, как будто даже с легкой ноткой презрения. — Не похожа на твой обычный... вкус.

В зале раздались сдержанные смешки, точно бы свора гien, подхвативших насмешку своего вожака.

Герцог напрягся — я почувствовала, как его рука на мгновение сжала мою чуть сильнее, но прежде чем он успел ответить, я сделала идеальный (ну почти) реверанс, опустившись в поклоне с такой грацией, будто всю жизнь готовилась к этому моменту.

— Ваше величество, если бы герцог хотел «обычное», он бы не выбрал меня, — мой голос прозвучал четко, без тени дрожи, хотя сердце бешено колотилось.

Император медленно поднял бровь, его губы искривились в полуулыбке.

— Остроумно, — наконец произнёс он, и в его глазах мелькнуло что-то, от чего мне захотелось отступить на шаг.

— За это герцог в меня без памяти и влюбился, верно? — я с хитрецей посмотрела на жениха, а тот на меня (хоть лицо и не выражало ничего такого) мол, а не попутала ли ты чего?

Кто там в кого влюблен?

— Верно, — спокойно согласился тот. Читаю между строк:

«Хватит играть с огнем».

Император хлопнул в ладоши — и оркестр грянул вальс.

— Раз уж вы так очаровательны, как о вас говорили, леди Вальтер, — он сделал широкий жест, будто предлагая мне весь зал, — то удостоьте меня первого танца.

Это был не просьба. Это был приказ, замаскированный под любезность. Мы ёжики не глупые! Быстро схватываем.

Герцог отпустил мою руку, но его пальцы на секунду сжались чуть сильнее. С ним-то я худо-бедно договорилась, а этот старикашка может отправить меня на тот свет раньше времени, даже не моргнув глазом.

— С вашим величеством? Честь для меня, — я улыбнулась, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а ладони стали влажными.

Император повел меня в центр зала. Его рука на моей талии сжимала слишком крепко, почти неприлично, словно он хотел оставить синяки.

— Вы знаете, — зашептал он, пока мы кружились под взглядами двора, — что ваш жених последний раз приводил сюда невесту ровно сто лет назад? — говорит как будто между делом.

— Надеюсь, я проживу дольше, чем та несчастная, — парировала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он рассмеялся — слишком громко, слишком неестественно, заставив несколько придворных обернуться.

— О, она была совсем не несчастна! До самого... конца.

Вдруг музыка изменилась — стала быстрее, резче, ритм сменился на что-то древнее, почти первобытное, далекое от привычного вальса. Остальные пары присоединились к нам, они закружились вокруг нас так, что мне самой чуть не плохо.

— Вы умеете танцевать вампирские танцы? — император резко развернул меня, так что юбка взметнулась, как крыло летучей мыши.

Ага! Конечно! Я едва успеваю за его шагами, чувствуя, как дыхание сбивается. Этот проклятый корсет сдавливает рёбра так, будто пытается выдавить из меня последний вздох. Каждый поворот, каждый шаг даются с трудом — юбка путается в ногах, а кружевные манжеты цепляются за его перстни.

— Учусь на ходу! — выдохнула я, чувствуя, как пот стекает по спине, застревая в туго завязанном корсете.

Его губы растянулись в улыбке, обнажив слишком острые клыки.

— Как и всему остальному, вижу, — прошипел он, и его дыхание обожгло мне шею.

Тоже вампир.

«Куда ж ты меня привез, отче? Одни кровососы кругом! — металась я в мыслях. — Да за что я в прошлой жизни так

провинилась? Может, сожгла сиротский приют? Или украла последнюю монетку у слепого старика?»

Его рука внезапно скользнула ниже, чем положено, и я почувствовала, как кровь ударила в лицо.

— Ваше величество! — чуть не взвизгнула я, невольно дёрнувшись и наступив ему на ногу. Мотнула головой вниз, а когда подняла, уже оказалась в крепких руках герцога. Он, с поистине королевской наглостью, вырвал меня из объятий императора, подставив вместо меня какую-то рыжеволосую девушку, которая тут же бросила на меня взгляд, полный ядовитой зависти.

— Ты в порядке? — его голос звучал непривычно мягко.

— Вас не опозорила, надеюсь, — пробормотала я, стараясь отдышаться.

— Я спрашивал не об этом.

Его глаза, обычно холодные, сейчас пылали каким-то странным огнём.

— Император всегда себе позволяет слишком много с чужими невестами? — спросила я, стараясь сохранить беззаботный тон.

— Мне стоит вызвать его на дуэль? — хмыкнул герцог. — Твоя честь задета? Стоит волноваться?

— О, отнюдь! — рассмеялась я. — Куда уж ему до вас!

Пусть понимает это как хочет. Но в этот момент я была чертовски рада оказаться в его руках. Хотя бы потому, что теперь могла нормально дышать. Ну... более-менее...

Танец закончился, и, увы, герцог Горацио де Верди был вынужден оставить меня у фуршетного столика. Какой-то неотложный мужской разговор с господами высокого круга в сигарной комнате требовал его присутствия.

Не успела я даже поднять бокал, как меня окружили девицы. Нет, не девицы, а настоящий выводок изящных хищниц в платьях от «кутюр», каждое из которых стоило больше годового дохода всего моего родного (и я сейчас говорю не про Алисию) городка.

— Так это и есть та самая... невеста? — первой заговорила каштанововолосая особа с губами цвета спелой вишни, медленно оглядывая меня с ног до головы. Ее взгляд задержался на моем слегка поношенном (по их меркам) платье. Вообще-то! Если верить словам Мари, его носила их матушка! И не каждой разрешается на него даже посмотреть! Что уж сказать о том, чтобы носить?

— Я ожидала чего-то... более впечатляющего, — фыркнула блондинка с нарисованной над губой мушкой.

Я сладко улыбнулась, беря бокал с темно-красной жидкостью:

— А я ожидала, что при императорском дворе умеют вести себя подобающе. Раз уж меня официально представили как невесту, вряд ли стоит сомневаться в этом факте.

Рыжая, та самая, что только что кружилась в объятиях императора, огрызнулась:

— Герцог просто не нашел ничего лучше. После того как

леди Анна... исчезла.

Я сделала медленный глоток. Гранатовый сок с явным привкусом крови — конечно же, что еще можно ожидать на вампирском приеме?

— О, так вы из тех, кто верит в сказки про «пропавших невест? — рассмеялась я, нарочито громко. — Может, еще и в домовых верите? Или в зубных фей?

Кареглазая блондинка с лицом куклы ловко выхватила бокал у меня из рук:

— Ты смеешься, — она перешла на вкрадчивый полусмех, — но это только до поры до времени! Как только ты станешь ему бесполезной...

— Да-да! В конце концов, именно так исчезли три последние невесты герцога, — перебила ее рыжая.

— Три? Удивительно! — я театрально подняла бровь, затем зевнула, изящно прикрывая рот рукой, — Было так давно, что я уже и позабыла. Герцог одаривает меня таким вниманием... не скажешь, будто бы он смел смотреть на кого-то еще!

Нарочно копируя их манеру говорить, я играла роль глупенькой девицы — пусть злятся, пусть кипятятся. Их зависть была настолько очевидна, что почти материализовалась в воздухе.

А ведь герцог и правда ничего так... если закрыть глаза на его вечную ледяную маску. Или издевки. Ну и его состояние,

конечно, тоже не последний аргумент. За нег можно первые два пункта и потерпеть.

— Вы... — она так побагровела от злости, что готова была вспыхнуть прямо сейчас.

— Леди Элеонора... — вырвалось у блондинки, что тут же привлекла эту вишневогубую к тому, чтобы заткнулась.

Я обернулась.

К нам направлялась девушка в платье цвета лунного света — высокая, с бархатистой розовой кожей, с темными волосами, спадающими, как водопад. Её глаза — два изумруда — были прикованы ко мне.

— Алисия Вальтер, — приторно сладкий голос, — Наконец-то мы встретились!

Она меня знает? Я ее знаю? Черт. Что же делать? Если сейчас скажу что-то не то — меня могут раскусить.

— Леди Элеонора, — я сделала легкий реверанс, стараясь не выдавать замешательства. Спасибо той болтушке, что назвала ее по титулу и имени, — Какая... неожиданная встреча.

Ее губы дрогнули в наигранно-милой улыбке.

— О, я уверена! Герцог не упоминал обо мне? — она бросила взгляд в сторону сигарной комнаты, откуда доносились приглушенные мужские голоса.

— Он упоминал многих, — парировала я, придумывая на ходу, — но, видимо, не всех заслуживающих внимания.

— Как трогательно.

Тишина вокруг нас сгустилась. Даже мои новые «подруж-

ки» замерли, жадно впитывая каждое слово. Им бы только ссор да сплетен! Вот же стервятницы!

Леди Элеонора медленно подняла руку, и ее пальцы скользнули по моему рукаву, будто проверяя ткань на прочность.

— Какое... милое платье, — прошептала она. — Наверное, знаменитая семейная реликвия?

— Да, — улыбнулась я. — Оно пережило столько поколений, что даже вампиры кажутся молодыми на его фоне.

Ее глаза вспыхнули. Не понравилось? Еще бы!

— Остроумно. Но знаешь, дорогая, — она наклонилась ко мне так близко, что ее губы почти коснулись моего уха, — реликвии имеют привычку... рассыпаться в прах.

Я не успела ответить — в зале раздался громкий хлопок, и все взгляды устремились к входу.

— Его Светлость, граф Август де Морван! — провозгласил церемониймейстер. Это был высокий мужчина с светлыми волнистыми волосами, собранными в хвост бантом, в черном камзоле. От него даже отсюда веяло холодом и чем-то... непонятным. Опасностью?

Он медленно шел по залу. Его глаза, желтые, как у хищника, скользнули по толпе, остановившись на мне, словно именно меня он и искал.

Леди Элеонора резко выпрямилась, ее лицо исказилось в какой-то непонятной гримасе и она произнесла:

— Прошу прощения, мне нужно срочно... — а потом бро-

силась прочь, даже не закончив фразу.

Я неожиданно осталась одна под пристальным взглядом графа.

— Леди Вальтер, — его голос был мягким, как шелест крыльев ночной бабочки. — Какое... неожиданное удовольствие.

Я почувствовала, как сердце замерло. Красивый. Но чувствуется прямо это вампирское.

— Ваша Светлость, — я сделала реверанс, но он остановил меня легким движением руки.

— Нет нужды в формальностях, — он улыбнулся, обнажив клыки. — Я просто хотел лично поздравить герцога с его... удачной партией.

— О, он всегда знает, что выбирать, — ответила я, стараясь не дрогнуть.

Граф рассмеялся — звук был похож на скрип старых дверей в заброшенном замке.

— Да, он мастер находить... редкие экземпляры.

Его пальцы коснулись моего запястья, и я почувствовала, как по коже побежали мурашки.

— Но, знаешь, — он наклонился, и его дыхание обожгло мне шею, — даже самые редкие цветы вянут. Какая жалость, что этот цветок попал не в те руки.

Я резко отстранилась.

— Знаете, цветы вянут, только если за ними неправильно ухаживать, ваша светлость. Я похожа на того, кто увядает?

Его глаза сверкнули. Еще одна колкость в запасе, и честное слово — я его пошлю куда подальше! У меня уже почти иссяк весь словарный запас.

— О, я обожаю... стойких, — прошептал он.

В этот момент в зал вернулся герцог. Его взгляд скользнул от меня к графу, лицо стало каменным. Знаю его без году неделя, но даже мне понятно — он недоволен. Ревнует что ли?

Я машинально отошла на пару шагов, встав за его плечом.

— Де Морван, — его голос звучал как лезвие. — Ты опоздал.

— Все самое интересное начинается только к полуночи, — улыбнулся граф и, кивнув мне, растворился в толпе.

Герцог повернулся ко мне, сделал шаг, сократив расстояние между нами, пальцы сжали мою руку.

— Что он тебе сказал?

— Ничего такого, чего бы я не смогла пережить, — ответила я.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Не верь ни единому его слову. Этот подлец только и умеет, что... искушать.

— А кому мне верить? — спросила я, усмехнувшись.

Он не ответил.

Музыка снова заиграла, и герцог резко повел меня в танцевальный круг.

— Танцуй, со мной, — проговорил он. — И не отпускай

руку.

Точно ревнует!

## Глава 9

Я плюхнулась на кровать, чувствуя, как тяжесть прошедшего вечера давит на плечи. Платье, которое еще час назад сверкало в свете люстр, теперь лежало на кресле бесформенной грудой шелка и кружев.

Морально высосали — это слишком мягко сказано. Я к такому не привыкла. Даже если тело готово — мозг точно нет.

Пальцы машинально тянутся к шее, где еще оставалось легкое жжение от дыхания графа де Морвана. «Искуситель», как его назвал герцог. Ха! Больше похоже на падальщика, который кружил вокруг, выжидая мою слабинку. Думал, если красивый, то ему все с рук сойдет? Пффф... Мне хватает одного красавчика с мозгами набекрень. Кстати о нем...

«Почему Горацио вообще позволил ему подойти ко мне? Раз уж я его»

Горацио... если подумать, я впервые назвала его так, хотя бы в своих мыслях.

Я закусила губу, вспоминая, как его пальцы лежали на моей талии. «Не отпускай...» — звучало почти как... приказ? Забота? Собственничество? Или просто очередная игра в кошки-мышки? А этот тон?

Рука скользит по груди вниз, касаясь подушечками пальцев чувствительных мест. Я замерла, ощущая, как собствен-

ное дыхание становится слишком громким в тишине спальни. Пальцы дрогнули — не от страха, а от возбуждения.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.